

Елена
Поддубская

Конспекты на дорогах к пьедесталу

Книга 1
Поступление

Елена Поддубская

Конспекты на дорогах к пьедесталу

«Автор»
2024

Поддубская Е.

Конспекты на дорогах к пьедесталу / Е. Поддубская — «Автор», 2024

Роман «Конспекты на дорогах к пьедесталу» задуман как многотомник. В данный момент написано пять книг, и автор работает над шестой. Это вымышленная история о жизни студентов физкультурного института в Малаховке, что переплетается с реальными событиями спортивной летописи СССР, и где упоминаются великие спортсмены и прославленные деятели спорта – тренеры, врачи, журналисты, руководители, учёные.Судьбы героев, а их в романе более сорока, прослеживаются на протяжении всего повествования. Первая книга – «Поступление» – знакомит читателя с главными персонажами и даёт начало истории каждого из них.

© Поддубская Е., 2024
© Автор, 2024

Содержание

Аннотация к книге 6
От автора 7
Книга первая: ПОСТУПЛЕНИЕ 8
Часть первая: Первый день вступительных экзаменов 8
Глава 1 9
Глава 2 11
Глава 3 17
Глава 4 19
Глава 5 22
Глава 6 24
Глава 7 27
Глава 8 33
Глава 9 36
Глава 10 39
Глава 12 44
Глава 13 45
Глава 14 49
Глава 15 50
Глава 16 55
Глава 17 58
Конец ознакомительного фрагмента. 59

Елена Поддубская
Конспекты на дорогах к пьедесталу

Роман в нескольких книгах
Современная проза о студентах-физкультурниках 80-х
с использованием в тексте знаменитых имён и реальных событий советского спорта

Художник – Мария Чернобровкина
Редактор – Юлия Никулина

Аннотация к книге

Роман «Конспекты на дорогах к пьедесталу» задуман, как многотомник. В данный момент написано пять книг и автор работает над шестой. Это вымышленная история о жизни студентов физкультурного института в Малаховке, что переплетается с реальными событиями спортивной летописи СССР и где упоминаются великие спортсмены и прославленные деятели спорта – тренеры, врачи, журналисты, руководители, учёные.

Судьбы героев, а их в романе более сорока, прослеживаются на протяжении всего повествования. Первая книга – «Поступление» – знакомит читателя с главными персонажами и даёт начало истории каждого из них.

От автора

Этот роман я начала писать очень давно. Сначала получился рассказ, затем он вырос в повесть, но потом я поняла, что не могу не рассказать обо всех тех людях, что сопровождали меня всю жизнь и свидетелем судеб которых я являлась. И пусть все образы и сюжетные линии книги – собирательные, думаю, каждый из прототипов узнает себя без труда. И при этом поймёт, что написанное – не про него, не про меня, да и вообще не про кого-то конкретного. Эта книга – отражение счастливой жизни каждого из тех, кто прошёл великую школу Советского спорта: от становления до самого пьедестала, высота которого у каждого своя.

Написание романа было бы невозможным без всех тех людей, кого я люблю, и кто любит меня: моих родных, однокурсников, друзей – близких и далёких.

Хотела бы выразить огромную благодарность за помощь и советы Светочке Соповой, Олюшке Нелюбовой, Валентине Лебедевой, Сергею Лубенцу, вечной подруге Ларуне Колесниковой и её сыну Александру. Особое спасибо Юрию Глушецкому, Николаю Адамову и Николаю Локтеву за подаренные строки стихов. Владимиру Станкевичу, Станиславу Данильченко, Андрею Игнатенко, Виктору Мальчугину, Владимиру Немогаеву за память, фото- и аудиоматериалы. И ещё многим, многим из вас в Москве и Алма-Ате, в далёкой Сибири и совсем близкой Франции.

Родные мои, дорогие и любимые, мы сделали это – мы издали эту книгу, такую, каких про спорт пока ещё не было!

Слава Её Величеству Королеве спорта Легкой атлетике!

Вечная память ушедшим и многие лета живущим, написавшим историю Советского спорта!

Книга первая: ПОСТУПЛЕНИЕ

Часть первая: Первый день вступительных экзаменов

Одежда его – тёмно-синий пиджак
И рваная в клеточку блуза.
Работе любой до безумия рад
Студент физкультурного вуза.
(гимн студентов-физкультурников
из фольклора советских студентов на слова В. П. Скитовича, студента мат меха СПбГУ (1946), и по мотивам песни «Раскинулось море по вектору пять»)

Глава 1

Лето, июль, 1981 год. Подмосковная Малаховка. Железнодорожная станция, принимающая пригородные электрички, которые идут от Казанского вокзала столицы через города Люберцы, Жуковский, Раменское… Базар и торговый сектор при нём. Именно так, и не наоборот. Жилые дома. Особняком, и большим массивом, – дачи знаменитых и часто богатых людей. И такая же неотъемлемая, но обособленная часть посёлка – Московский областной государственный институт физической культуры – МОГИФК. А ещё – озеро, которое одинаково дорого и железнодорожникам, и торговцам, и жителям Малаховки, не говоря уже о студентах-физкультурниках.

Первый луч солнца копьём прошёл сквозь плотную пелену утреннего тумана и воткнулся в воду. По натоптанной тропинке вдоль берега озера бодро трусил Иван Иванович Орлов, сорокашестилетний ректор института физкультуры. Возрасту мужчине прибавляли тяжеловесность, круглая борода «а ля капитан» и аккуратные усы над верхней губой. На бегу Орлов думал о том, что пока, в семь с небольшим утра, вокруг пока ещё тихо, но уже через полчаса посёлок зашумит, загудит, заколобродит. На берег выйдут рыбаки, так, побаловаться: рыбы тут можно наловить разве что для кошек. Базарные торговцы широко распахнут ворота. На территории института появятся первые абитуриенты – кто один, кто с родными. Сегодня, 6 июля, начинались вступительные экзамены. В первые два дня сдавались практические дисциплины, испытания, похожие на профессиональные туры в музыкальных школах, художественных академиях, театральных или цирковых училищах. Пятерки по «спецухе» часто являлись решающими для общего проходного балла, и это понимали все. МОГИФК был не очень крупным учебным заведением: два факультета – спортивный и педагогический, и всего шесть спортивных кафедр. А также обязательный для любого вуза набор кафедр естественных, политических и научно-спортивных дисциплин. Тем не менее этот подмосковный институт считался одним из самых престижных в стране.

Шумно выдыхая, Орлов бежал на удивление легко и быстро. В восемь часов ему необходимо показаться на ежедневном, в период поступления, педсовете. Времени ещё предостаточно. Конечно, оба декана и сами могли бы справиться со своими задачами, но Иван Иванович знал, что его появлению на собрании они будут только рады. «И не забыть уточнить кое-какие моменты по «единичке», – напомнил себе ректор, наслаждаясь окружающим видом. Насекомые, обитающие в зарослях травы и прикорневых лунках деревьев, пока ещё сонные и неспособные из-за влажности воздуха ни взлететь, ни убежать, от вибрации человеческих ног испуганно забирались поглубже. Мужчина вытер пот, поправил очки, то, что мешало бегу, как вдруг перед ним вынырнули из тумана две мальчишечьи фигуры.

– С добрым утром, Иван Иванович!

– Здрасьте, товарищ ректор!

Орлов вгляделся и, признав бегунов, просиял.

– А! Это вы, «двое из ларца»? Здор*о*во, коллеги по тропе здоровья! – ректор по-панибратски отстучал по рукам стайеров. Ребята, довольные, улыбались. На тренировках, в электричках, в магазине и вообще везде двух Толиков постоянно видели вместе. Кирьянов перешёл на последний, четвёртый курс, а Кириллов только поступал. Ребята отличались от прочих студентов удивительным внешним сходством: невысокого роста, тощие, узкоплечие, коротко стриженные и оба в очках. Одинаковые хлопчатобумажные сине-фиолетовые трико и кроссовки «Арена» делали их и вовсе зеркальным отражением друг друга.

С улыбками на лицах троица семенила на месте.

– Как дела? Сессию сдали? – Орлов вытер пот со лба и глянул на часы. Вопрос он задал из вежливости. Несмотря на то, что часто видел средневиков утром на пробежках, он так и не запомнил, кто из них, кто.

– Сдали, – заверил радостным фальцетом Толик-старший, приглаживая волосы, – перешли на четвёртый курс.

– О, это дело! – похвалил ректор. – А ты? – кивнул он вопросительно младшему.

– А у меня сегодня спецуха… в «единичке», – гордо выпрямился Кириллов и пальцами вздыбил озорную чёлку. «Единичкой» на каждом из четырёх курсов спортивного факультета звали группу под номером один-один, куда зачисляли сначала абитуриентов, а потом поступивших студентов. От других групп института она отличалась тем, что отбирали в неё прежде всего по высокому спортивному уровню или отличным показателям в учёбе. Поэтому в «единичке» учились спортсмены разных видов спорта. Остальные представители разных спортивных кафедр, формировали группы тоже по номерам: один-два – легкоатлеты, один-три – лыжники и спортсмены зимних видов спорта, один-шесть, – тяжелоатлеты и представители спортивных единоборств, и так далее.

Орлов предупредительно поднял указательный палец перед носом абитуриента:

– Ну ни пуха, ни пера! Если что – скажешь.

Кириллов признательно приложил руку к сердцу. Ректор махнул – мол, «пустяки, не стоит!» – и демонстративно ускорился, несмотря на рекомендации кардиолога не делать этого. Он бежал, а вдоль дороги желтели одуванчики, ещё закрытые, в блестящих капельках утренней росы.

Разворачивась к дому, Орлов увидел ребят уже на другом берегу озера. «Вот быстроногие, – улыбнулся ректор. Три километра окружности водоёма средневики легко уложили в пятнадцать минут. – Наверняка мастера спорта». Тот факт, что спортсмены высокого уровня поступали в институты без конкурса, произвёл на свет обидную и несправедливую поговорку: «Сила есть – ума не надо». Несмотря на это на душе у Орлова было празднично: в истории МОГИФКа начинался ещё один учебный год.

Глава 2

Главный корпус института – серый блок с большими раздвижными окнами и высоким крыльцом – был построен в начале тридцатых годов двадцатого века. Парадная стена центрального холла была снизу доверху из стекла. Слева от входа висел стандартно оформленный стенд с портретами ректора, обоих деканов и ещё восьми докторов наук и профессоров института. Холл и центральная лестница делили здание на две части: слева – главный корпус в четыре этажа, справа – пристройка вполовину ниже. Коридор, уходящий влево, вёл к ректорату и заканчивался железной дверью кафедры анатомии. Перед ней справа была боковая лестница, ведущая на этажи и в подвал в морг, слева тянулся стеклянный туннель к единственной аудитории вуза. На стенах до середины коридора висели портреты прославившихся студентов МОГИФКа, далее он был «иллюстрирован» стендами с учебными пособиями. Плакаты, рельефные макеты и экспонаты в банках с формалином, помещенные за стекло, вызывали скорее отвращение, нежели любопытство или интерес.

Основной срок подачи документов уже закончился, но коридор у ректората не пустовал: комиссия, временно разместившись здесь, принимала опоздавших. Кто-то забыл вложить заверенную копию свидетельства о рождении и в последний день вынужден был нестись к нотариусу. Кому-то было лень переписывать вручную и заверять в учебной части выписку с оценками из аттестата зрелости, но за перо браться всё же приходилось. Некоторые пренебрегли советом явиться для сдачи документов загодя и прилетели в Москву в последний момент. И прочее, прочее, прочее. Такое повторялось каждый год. В коридоре кипели страсти, лились слёзы, рушились надежды, и допуск на сегодняшний экзамен по специализации имели пока не все.

Примерно в такой ситуации оказался абитуриент Армен Малкумов. Несмотря на светлую кожу и высокий рост, кавказца выдавали пронзительный взгляд, чёрные брови и выбритые до синевы скулы. Юноша впервые пришёл в институт только сегодня и удивился очереди в ректорат. Записавшись под двадцать шестым номером, он тепреь важно вышагивал по коридору. Пронзительный взгляд из-под густых ресниц перебирал каждого, то и дело тормозя на девушках. Прохаживаясь взад-вперёд, Армен что-то бормотал на своём языке, автоматически переходя на русский при выходе из приёмной очередного абитуриента. Очередь украдкой рассматривала зеленоглазого красавца, облачённого в светлое – от тенниски до мокасин.

Первые полчаса работы комиссии разгрузили список на пятнадцать мест.

– Эй, кто там следующий? Давай, брат, иди скорее, – махнул кавказец на открывшуюся дверь и совсем неожиданно улыбнулся сразу всем, – у меня сегодня экзамен.

Глубокий баритон вывел очередника из дремоты, и он вскочил с откидного стула, как со стартовых колодок. Девушка в кедах и с целлофановым пакетом в руках подошла к освободившемуся стулу и тяжело рухнула на него.

– Экзамен сегодня у всех, – сказал, как отрезал, широкобёдрый коротышка с орлиным носом и тёмной густой щетиной. – Юлик, – представился он кавказцу, протягивая руку. – Ты из какой группы?

Малкумов широко раскрыл и без того большие глаза.

– Ты что такое говоришь, дорогой Юлик, а?

– Я не говорю, я спрашиваю: из какой ты группы? Ты ведь на первый курс поступаешь? – Дождавшись кивка, Юлик обрадовался. – Тогда у тебя должен быть номер группы. Я, например, в группе один-один. И они – тоже, – кивнув на очередь, коренастый юноша быстро взглянул на дверь. – Там принимают пока только нас.

Кавказец осмотрел всех пристально, сообразил, что быть в нужной группе – это то, что ему сейчас нужнее всего, вернулся взглядом к Юлику и пожал плечами.

– Э-э, дорогой, зачэм спрашиваешь? Если ты номер один-один, значит, и я номер один-один. Да?

Коротышка не согласился:

– Ну-у, я бы на твоём месте так не утверждал, а уточнил в деканате. Может, ты в группе один-два или один-три, а может, вообще один-шесть. – Очевидно, последняя была в Малаховке на каком-то особом счету, потому что Юлик хитро прищурился. Кавказец усиленно замотал головой:

– Какой один-шесть? Ты что, генацвале? Я с тобой в одной очереди стою. Да? Значит, группа у нас должна быть один. То есть я хотел сказать один-один. Да? Зачем мнэ один-пять? Один-шесть? Один-десять?

Юлик снова сделал добродушное лицо:

– Ну, нет так нет. Народ в институт разный поступает, сам понимаешь. Ты вот, сказал, лёгкую атлетику сдаёшь? У меня тоже сегодня утром лёгкая атлетика, а завтра гимнастика. А у тебя какие экзамены? – Коротышка говорил уверенно, спину держал ровно. Как раз про экзамены Армен и собирался выяснить в приёмной, но решил лучше в этом не признаваться. Отвлекая внимание от себя, рослый красавец с интересом посмотрел на собеседника.

– Гимнаст, да? – в голосе слышалось сомнение: небритый был не только мелким, но и корявым.

– Конькобежец, – ответил Юлик со значением.

– Конь-ко-бежец? Это на коньках, да? – Зимние виды спорта на Кавказе считали за отдых. «А разве отдыху учат?»

– Что-то вроде того. Ты Бориса Стенина знаешь? – назвал Юлик известную фамилию, заметив сомнение на лице кавказца. – А про Марию Исакову слышал? Это первая советская рекордсменка мира в беге на коньках. Она на полторашке выбежала из двух минут тридцати секунд! – Сообщая о прославленной спортсменке, юноша с орлиным носом выглядел почему-то особенно радостным. Армен, догадавшись наконец, что речь идёт не о начальстве института, просиял.

– Нет, – признался он честно. – Но теперь я тебя, Юлик, услышал. И запомнил: Мария Исакова и Борис…

– Стенин, – напомнил конькобежец, почти укоряя, – тогда и вот этого великого человека запомни, – добавил он назидательно, приблизившись к стене с портретами спортсменов и указывая на один из них: – Цыбин Борис Александрович, рекордсмен на десятке. В смысле, на дистанции десять тысяч метров. Ну десять километров, понимаешь? – уточнил он, ибо кавказец напряжённо молчал. – Смотри, Цыбин закончил этот институт. Видишь, написано: «… выпускник МОГИФКа 1969 года». Он был тренером сборной страны. Я мечтаю бегать, как он.

– А мне вот Ринат Дасаев очень нравится, – сказал Армен, кивнув на портрет футбольного вратаря, висевший рядом. На такой ответ собеседник развёл руками:

– Ну, нашёл о ком говорить! Дасаев! Это же – кумир миллионов. Да? – улыбнулся он девушке в кедах и с пакетом. Она неопределённо пожала плечами. Сражённый отсутствием характерного женского вздоха, Юлик повернулся к Армену. – По-моему она не знает, кто такой Дасаев, – предположил он негромко, – и, наверное, волнуется, – оценил конькобежец растянутое равнодушие, – или футбол не любит. Я и сам футболистов не очень-то… В индивидуальных видах стать знаменитым тяжелее. – Юлик медленно пошёл в сторону кафедры анатомии, не упуская из виду дверь приёмной комиссии. Армен вышагивал рядом, выбрасывая длинные ноги, как если бы шёл в сапогах. Разглядывание экспонатов не мешало их мыслям. Дойдя до конца коридора, они развернулись, и кавказец возобновил разговор так, чтобы не нарываться на лишние вопросы:

– Слушай, дорогой, ты сказал, что сдаёшь лёгкую атлетику и гимнастику. Бегать, прыгать – это нормальный экзамен. А гимнастика зачем?

– Вместо специализации, – пробурчал конькобежец, всё ещё немного с досадой. Красивый кавказец в белом его теперь не впечатлял: «Как можно поступать в институт физкультуры и не знать имён прославленных спортсменов?»

– Ничего не понимаю. – То, что летом негде сдавать экзамен на коньках, ему в голову не приходило. Армен провёл по мышцам брюшного пресса на макете, что висел рядом с очередью, потом по своим. Его анатомия была явно несовершенна.

– Я тоже не панимаю, – встрял в разговор ребят худенький, но жилистый азиат, сидевший рядом с девушкой с пакетом. Ловкими пальцами паренёк навязывал узлы из обычной бельевой верёвки. – Я – тоже гыруппа одын-одын, конный сыпорт, и ошень любулю Ринат Дасев, а мене надо сыдавать ыксамен по опп.

– Чего? – конькобежец замер в полушаге.

Вся очередь посмотрела на парня с верёвкой.

– Опп – опышая пизическая падгатовка: от лавочка обжиматься, пресс качать, палка далеко бросить, бегать многа, – крупные белые зубы обнажились в улыбке на его луноподобном матовом лице.

– А-а, – выдохнул Малкумов, – так бы и говорил: легкая атлетика, – про остальное он плохо понял. Азиат опять улыбнулся:

– А я так и гаварю – опп, – губы, очерченные контуром, казались на фоне кожи бледными. Кавказец подошёл совсем близко к азиату. Глаза его искрились:

– Слушай, а лошади твоей чэво сдавать?

Паренёк из Азии сморщился и заморгал, зачем-то показывая накрученные узлы верёвки. Юлик громко засмеялся:

– Стипль чез! – Теперь очередь оглянулась на конькобежца. Он, словно пробуя рельеф макета на твёрдость, постучал по нему костяшкой указательного пальца и пояснил: – Бег с барьерами.

Очередь выдохнула, Малкумов кивнул, азиатский паренёк опять сморщился:

– Какими бариерами? Зашем бариерами? Мой кон во Прунзе остался.

– Где-где?

– Во Пырунзе. Город мой. Столица Кыргызии. Панимаешь?

– А-а, во Фрунзе! Ясно, – конькобежец весело улыбнулся и поочередно пригладил свои тонкие усики, – далековато живёшь, – заключил он, хотя знал, что в МОГИФК поступают школьники из разных уголков страны. Азиат напрягся: что думает «конкобежес» о его Родине? Хотя все республики в стране имели одинаковый статус – советских социалистических – отношение к прибалтийским, например, было почему-то совсем не таким, как к азиатским.

Для Шандобаева не было на Земле места краше и лучше его Киргизии. Где горы с хрустальными вершинами умыты летними дождями, засыпаны снегами, где разливается перед ними озеро Иссык-Куль, такое же чистое, как знаменитый Байкал.

– Да. Ошень далеко я живу, – согласился азиат, изучая лицо Юлика. – Пырунзе – три шаса и ещё полшаса на самолёте. А ты отыкуда?

– Из Харькова, паря.

– Это Укыраина, да! – обрадовался золотокожий парнишка. – Я там был мыного раз. Кырасивая Укыраина. Ба-алшая-преба-алшая.

– Точно. Тебя как зовут? – конькобежец протянул руку теперь и азиату.

– Серик.

– Как? – Юлик еле сдержал смех. Не заметив подвоха, азиат повторил с достоинством:

– Серик. Шандобаев.

– Это что – имя такое или прозвище? – Армен подтянул повыше молочно-кремовые брюки и сел перед парнишкой на корточки. Серые белки глаз кавказца контрастировали с красными азиата.

– Пошему не имя? – совсем не обиделся Серик. – Это по-русски некырасиво зывушит, а по-казахски Серк*е* – вожак, лидер. Вапще я – казах, но живу в Кыргызии.

– Как интересно. А зачем верёвка? – вдруг поинтересовалась девушка с пакетом.

– Дыля думат шитобы. Панимаеш: сидыш, берёбка курутиш и думат карашо.

– Про что думать-то? – Армен пожал плечами: «Чего голову ломать: беги быстрее, толкай ядро дальше. Всего делов!». Но казах произнёс мечтательно, почти поэтично:

– Пыро горы, пыро Прунзе, пыро кониа.

– А коня как звать? – снова полюбопытствовала девушка. Серик признательно улыбнулся.

– Берик. Зынашит «кырепкий», – гордо и спешно ответил наездник, предупреждая вопросы. Но тут конькобежец всё же не выдержал:

– Охренеть: Серик на Берике, значит? – шевелюра Юлика затряслась.

– Зачем смеёшься, брат? Красивое имя, – Малкумов встал и крепко пожал руку нового знакомого из Фрунзе. Ему, как представителю народной диаспоры, обида товарища была ясна: над кавказцами тоже частенько подтрунивали потому, что на русском они говорят смешно. «Но говорят же, понять можно». Что одеваются иначе. «А сами-то смешные – джинсы напялят по самые-самые…, ни сесть, ни встать». Что женщин любят и комплименты им часто делают. «Потому что русские мужики пить любят. И женам если изменяют, то ругаются потом с ними навсегда. А на Кавказе все друг друга любят, никто не ругается и каждый своё место знает». Мысли смуглого красавца прервала девушка в кедах.

– Тебе имя Серик понравилось? – уточнила она для верности.

– Берик! – пояснил Армен. – Да и Серик – тоже неплохо. Сразу ясно, откуда родом. Вот я из Нальчика. Кабардино-Балкария, – он поднял вверх указательный палец. Девушка протянула что-то похожее на «угу» и уточнила:

– Это на Кавказе?

– Точно, красавица! – гордо ответил Армен.

Юлик прищурился:

– А ты кабардинец или балкар?

– Армянин. А папа у меня – грузин, – кавказец смотрел на всех свысока.

Девушка в кедах нахмурила лоб:

– Это как так?

– Это кто-то, где-то, когда-то, кого-то, – Юлик закусил губу, прихватив даже ус.

– Зачем кого-то? – нахмурился Армен. – Ты армян не знаешь? Ты Игоря Тер-Ованесяна не знаешь?

– Тер-Ованесяна знаю даже я, – вставила девушка в кедах.

Армен подошёл к ней и несколько раз пожал руку.

– Да, богатая география у наших абитуриентов, – произнёс конькобежец уже задумчиво.

С минуту все молчали, потом девушка в кедах чихнула, достала из пакета огромный клетчатый платок, высморкалась и снова обратилась к Армену, подпиравшему стену:

– А ты на какую кафедру поступаешь?

– А что такое «на какую кафедру»? Я это не понимаю, красавица. Я в институт физической культуры поступаю. Группа один-один, – теперь Армен верил в то, что говорил, и хотел быть именно в той группе, куда были записаны вот эти симпатичные ему ребята. Он степенно встал, снова подошёл к стенду и снова ткнул в пластиковый брюшной пресс, который, по его мнению, в своих ровных кубиках сосредоточил всю представительность заведения. Сидеть на месте для кавказца было сущим наказанием: – Мой папа мне так и сказал: «Езжай, сынок, в Москву, поступай в институт спорта и будешь, как Игорь Тер-Ованесян».

– Грузин? – уточнил Юлик.

– Что грузин? Армянин, конечно, – произнёс Малкумов.

– Папа твой – грузин? Ты же до этого говорил, что папа – грузин, – память у конькобежца была хорошая.

– Э-э, ара, – произнёс Армен обидчиво, – Кавказ – это только кажется много разных людей. А на деле все мы одинаковые. И Тер-Ованесян, если он великий человек, – такой же грузин, как армянин. Понимаешь?

Юлик ответил неожиданно радостно и прикладывая руки к груди:

– Я понимаю, как никто другой, – а чтобы совсем реабилитироваться за предыдущую фразу, уточнил: – но, вроде, Тер не здесь учился.

Кавказец гневно сверкнул глазами:

– Как это – не здесь?

– В Москве есть другой институт спорта и физической культуры: Центральный, ГЦОЛИФК, – кивнула девушка в кедах.

Армен сморщился, как при неприятном запахе:

– Чэго? Это на каком же языке нужно разговаривать, чтобы такое выговорить – Гы- цы-фы-к…

– Это да, – согласился Юлик, – нам больше повезло. МОГИФК – это звучит!

– Да Малаховка – это вообще вещь! – оценил кавказец, тут же забыв, что только что расстраивался, – я как представлю, что я здесь учусь… из Нальчика и в Малаховке!

– Это шанс, – согласился Юлик, – вот бы ещё поступить!

– Зачем «если», ара? Поступим. Мой папа никогда не ошибается. А про Тера нужно всё-таки уточнить. А то вдруг он здесь тоже нэмножко поучился, прежде чем в этот ваш «гцк» пойти? – высокий красавец смотрел с характерным прищуром, какой бывает у людей, приехавших с Кавказа, и пользовался такой же особой жестикуляцией. Все рассмеялись. Вдруг стало как-то спокойно и радостно, словно все действительно уже поступили. Серик улыбнулся девушке в кедах и вдруг вспомнил:

– Ты не перышивай. Бывает пилпак. Бывает пакультет пизики и математики. А это – инситутут пизической культуры. Поняла?

Девушка неуверенно кивнула. Юлик, отвернувшись, затрясся в беззвучном смехе, но дрожащая шевелюра его выдавала. Кто-то в очереди отошёл от говорящих подальше. Кто-то, наоборот, приблизился к группе. Девушка в кедах шумно выдохнула и поставила пакет на пол, между ног: надо было помочь кавказцу с выбором.

– Какой у тебя вид спорта? – спросила она.

– Спортивное ориентирование, – выговорил Армен со значением, высоко поднимая изящную кисть руки с длинными тонкими пальцами. Взгляды сфокусировались на ней. Очередь на мгновение погрузилась в такое молчание, что слышно было, как крутятся в комнате по приёму документов вентиляторы.

– А это сы парашютом? – рискнул предположить Серик. Его спокойно-беззаботное выражение лица исключало любой подвох.

– Можно и с парашютом. А можно и бэз, – согласился Малкумов.

Девушка в кедах потёрла одну ступню о другую.

– А я и не знала, что есть такой вид спорта.

– Есть, – твёрдо заверил Армен.

– Канешна. Раз он зидесь, зыначит, иесть, – логика казаха была железной. Девушка вздохнула и кивнула согласно, лишь бы закончить этот непростой разговор. Серик спросил: – Тебя как зовут, кызымочка?

– Я – Сычёва, а не кызымочка.

Шандобаев, любезно растягивая губы в улыбке, попросил:

– Не обишайся, кырасавица! Кызымочка по-казахски зынашит «девушка».

– Понятно, – кивнула Сычёва. – Только как ты собираешься поступать, если в русской школе не учился?

Серик удивлённо нахмурился:

– Пошему не ушился? Я и в русской школа ушился, и в казахской ушился, и в кырыгызской. У нас во Пырунзе интернат был сыпортивный. Там, Сычёва, говорят на всех языках.

– Зачем, Серик, так официально: «Сычёва»? Как твоё имя, красавица, м-м? – взяв девушку за руку, Армен причмокнул карминными губами и потянулся ими для поцелуя.

– Не надо имя, – девушка демонстративно отдёрнула руку и спешно спрятала за спину. – Тут только фамилию спрашивают. Так что зовите Сычёва. Я – местная. Из Загорска, – бледное, пухлое лицо абитуриентки было усеяно прыщиками. При разговоре она то и дело откидывала голову назад, отчего из-под чёлки тёмного каре открывался лоб, где прыщиков было особенно много, и заводила руками волосы за уши. Однако всё это не мешало кавказцу проявлять интерес:

– Из Загорска? Это где?

Ответить девушка не успела. Открылась дверь приёмной комиссии, и оттуда с криком выбежал счастливый паренёк:

– Ура! Мужики! Допустили!

– Куда? – воскликнули все.

– На сцепуху, – рыжий очкарик крутился волчком, разговаривая со всеми сразу.

– Куда-а-а?

Пацан остановился, подтянул шорты и произнёс медленно и по слогам:

– На спе-цу-ху! Я – дислексик. Привыкайте, – предупредил он, махнул рукой на прощание и побежал к выходу. Его проводили взглядами.

– Счастливчик!

– А шито это за сыпорт – «дислексик»? – Серик посмотрел на девушку в кедах. Сычёва задумалась, потом решила:

– Наверное, борьба такая. Они все там по-русски говорят странно.

– Группа один-один! Следующий! Только группа один-один, – потребовал из открытой двери кабинета мужской голос.

– Народ, это я, – Юлик отскочил от стены и скрылся в кабинете.

Глава 3

Панас Михайлович Бражник шёл по территории института. В этом году преподавателю по биомеханике исполнилось пятьдесят лет. Тронутые проседью широкая борода лопатой, усы, косматые брови и волосы средней длины, зачёсанные назад, придавали Бражнику вид религиозного старца, но никак не представителя науки, да ещё в коммунистическом государстве. Брюшко, мощные покатые плечи и степенная, в любых обстоятельствах, походка только добавляли «церковного» колорита. Всей одежде Панас Михайлович предпочитал просторные льняные штаны с завязкой на поясе и широкую рубаху навыпуск по типу власяницы. Но так как на работе подобный наряд с педагогическим статусом не сочетался, любимые «балахоны» малорус надевал лишь по выходным.

На поводке Панас Михайлович выгуливал симпатичного кокера. Собака игриво откидывала в стороны камешки, на которые наступала, методично обнюхивала кусты и деревья и время от времени вальяжно задирала лапу. Преподаватель дымил трубкой и что-то набулькивал себе под нос. Сегодня на Бражнике была белая украинская косоворотка, расшитая крестиком из разноцветных ниток, и неизменно просторные штаны. Поверх талии рубаху опоясывал шнурок-плетёнка с кисточками на концах. Для полного соответствия этническому образу мужчине не хватало соломенной шляпы на голове и лаптей. То и дело вытряхивая из сланцев песок, Бражник прислушивался и осматривался по сторонам. Обычную для лета тишину на территории института нарушали голоса абитуриентов. Нарочно избегая дорожки, ведущей к стадиону, Бражник свернул к залу гимнастики и тут же наткнулся на заведующего кафедрой лёгкой атлетики Рудольфа Александровича Бережного. Поджарый сорокалетний мужчина тащил на плече два массивных барьера с деревянными перекладинами и литыми шайбами, насаженными на ножки.

– Привет, Рудольф! – поздоровался биомеханик первым.

– Здорово, Панас! – ответил заведующий кафедрой. – Отдыхаешь?

– Живность выгуливаю, – кивнул Бражник на пса.

– Тоже дело, – легкоатлет утёр гладко выбритое лицо. – Уф, как ты в такую жару в бороде ходишь?

– Привычка, – в разговорах Бражник был немногословен. Бережного он уважал, но приятелем с ним никогда не был. Оглядев чугунные ножки барьеров, Панас Михайлович густым голосом посочувствовал: – А у вас – началось?

– И не говори! Всё, запарка обеспечена. Сегодня утром идёт группа один-один и вся лёгкая атлетика. Сплошь спартакиадники, – Бережной аккуратно опустил барьеры на землю.

«Спартакиадниками» называли тех, кто участвовал во Всесоюзной спартакиаде школьников. Отбор на главный старт для молодёжи страны был крайне жёстким. Оттого повышенное внимание к абитуриентам, побывавшим там, оказывали повсеместно, а уж в физкультурных вузах – и говорить нечего. Коротко повторив всё это коллеге, Бережной утёрся в очередной раз. Несмотря на утро, солнце, при полном безветрии, уже припекало. Бражнику ни номер группы, ни определение «спартакиадники» особого беспокойства не добавляли. По опыту Панас Михайлович знал, что и без его молитв самых сильных и «нужных» абитуриентов из всех поступающих определят по осени именно в группу под номером один-один, по показателям которой будет потом ориентироваться весь первый курс. Но лично для него такая кодировка ничего не меняла: ко всем студентам он относился одинаково требовательно. Так что хоть спартакиадники, хоть олимпиадники, главным было, что от участия в приёмной комиссии Бражник освобождён. Потому и вид у Панаса Михайловича был такой, какой бывает у человека, к делу непричастного и совсем в нём не заинтересованного.

– А чего ты, Рудольф, сам тяжести поднимаешь? Глупо это. Молодёжь заставь, – толстяк натянул поводок; собака была явно недовольна остановкой.

– Да ла-адно – «заставь» … Видел бы ты их – ходят поступью римских воинов в доспехах, – ввернул Бережной одну из своих любимых присказок с несколькими вариантами интерпретаций. Сейчас имелись в виду зазнайство и лень. – Им и так ещё номера пришивать, – он шевельнул рукой, под мышкой которой держал пакет. – Вчера весь вечер рисовали, всю ночь сушили, так что…

– А-а-а, – Бражник особенно обрадовался тому, что его никто не отвлекает во время заслуженных каникул такой ерундой, как вступительные экзамены. – Так ты им булавки выдай. Пусть приколют, чтобы не пришивать, – на широких губах Панаса Михайловича появилось подобие улыбки.

Рудольф Александрович тут же воодушевился и стал мять пакет в руках:

– О, а это идея! Точно! Как мы сами не догадались? – Лицо Бражника выразило снисхождение. Бережной почесал щёку и посмотрел теперь испытующе: – Но только где же я столько булавок найду? У меня тут пятьдесят номеров набирается. Понимаешь, обычно на сврсплох не застать, но тут в последний момент в список добавили новые фамилии…

Разговор явно затягивался. Бражник поморщился, пыхнув трубкой несколько раз подряд, будто раскуривая. Пора было заканчивать разговор, так как собака вовсю рвалась к воде.

– Зайди к Галине Петровне. Она выручит, – опять посоветовал он.

– Думаешь?

– Ты что, Михееву не знаешь? У неё всегда всё есть. Если не дома, то на кафедре. Номеров на двадцать точно наберёт. – Бражник указал на зелёный деревянный дом в ста метрах, в котором проживали они оба, упомянутая коллега и ректор Орлов с женой.

Галина Петровна Михеева заведовала кафедрой биохимии. И отец её заведовал той же самой кафедрой, только до неё. И брат заведовал, но в Воронежском филиале МОГИФКа. Бережной подумал, что у такой, как Галина Петровна, булавки действительно могут быть: женщина любит одеваться со вкусом и сама себе шьет наряды, которым завидует весь институт – от уборщиц до студенток. Рудольф Александрович снова утёр лоб, размышляя:

– Да? Так ведь на двадцать мало. А на остальные где брать?

– А что на остальные? – Бражник начинал нервничать, потому что недовольная собака была важнее вопроса о булавках, да и вообще важнее много чего другого. Поэтому он произнёс достаточно строго: – А для остальных – пусть ждут очереди.

– Это как? – Бережной нахмурил лоб.

– Та обыкновенно, Рудольф: прикололи, пробежали, откололи, отдали другим, – слова Бражник сопровождал жестами той руки, в которой был поводок. Собака от этого дёргалась, мужчина раздражался ещё больше. Рудольф Александрович от простоты решения осел на один из барьеров.

– О! Точно. Это ты правильно сказал! Как мы сами не догадались?

Бражник хмыкнул в бороду и незаметно втянул живот. Он всегда знал, что живёт не зря – может, и учебник по биомеханике напишет, как, например, Пётр Францевич Лесгафт или даже Николай Александрович Бернштейн.

– Ладно, мне пора, – сказал он вслух, отпустил поводок, пыхнул трубкой и пошёл за убегающей к озеру собакой. На ходу Панас Михайлович покачивал головой, думая о том, как ему повезло родиться на свет умным.

Глава 4

В столовой института, на первом этаже общежития, обжигая губы, допивал кофе с молоком Миша Шумкин – легкоатлет, по специализации десятиборец. Через час с небольшим парню предстояло сдавать практические экзамены по лёгкой атлетике, но ватрушка с вареньем, схваченная на прилавке раздачи, быстро последовала в его желудок за ароматным напитком. Ничто не могло повлиять на здоровый аппетит Шумкина. Розовощёкий абитуриент тщательно облизал пальцы, испачканные вареньем и мучной присыпкой, и огляделся по сторонам. Через два столика у окна завтракала симпатичная блондинка с короткой стрижкой «сессун». Улыбка на её губах бросила парня в жар. Почувствовав, как горят мочки ушей и щеки, Миша спешно спрятал только что облизанные руки под стол. Модница усмехнулась совсем уж откровенно, отвела взгляд и, не обращая больше на юношу никакого внимания, принялась за жидкую овсянку. Кашу Шумкин не любил с детства, девушку невзлюбил только что. Миша был некрасив и с кожей в рытвинах, как после оспы. Среднего роста, ширококостный, в тугих перекаченных мышцах, он походил на выточенный куб – с крупной головой, короткими руками и ногами. Портрет дополняли светлые волосы, выцветшие на солнце, и белёсые круги под глазами от солнцезащитных очков. Юноша еле удержался, чтобы не показать незнакомке язык. Но это было бы совсем глупо и по-детски. Шумкин вздохнул и отвёл взгляд. Справа от него за столиком через проход сидел темноволосый, кучерявый студент.

– Здорово, земеля! Шо, дрейфишь? – подмигнул тот.

– Не понял? – Миша не понял сразу несколько позиций фразы, но утруждать себя уточнениями не стал.

– На экзамен идёшь?

– Откуда ты знаешь?

– По номеру на твоей груди, земеля, – он встал и подошёл к столику Шумкина. Ростом он оказался под два метра. – Не дрейфь и давай знакомиться. Я – Гена Савченко. Волейболист, между прочим, – со значением уточнил он. Миша серьёзно свёл брови:

– Волейболист, прости, между чем? – высокопарности в людях он не выносил.

– Шо? – Гена было нахмурился, но тут же разгладил лоб и сдержанно хмыкнул: – А-а, это была шутка? Надо запомнить. А ты зря смеёшься: не у всех на втором курсе получается сдать зачёт по волейболу с первого раза. А мои данные даже Юрий Панченко одобрял. Не знаешь такого? Из киевского «Локомотива»? – Шумкин уверенно кивнул – конечно, он слышал про олимпийского чемпиона. Савченко этому обрадовался. – Так что могу помочь. Обращайся! – Гена присел и протянул руку. Миша положил свою ладонью сверху крестом.

– Спасибо, Гена. Но я на первый поступаю.

– А номер группы какой? – для Гены, как и для многих, такая информация была важна.

– Один-один, кажись. А что? – насмешка, блеснувшая в глазах волейболиста, показалась подозрительной.

– Да не боись, поступишь! На Спартакиаде школьников в Вильнюсе был?

– Нет.

– Да? – Гена почесал затылок. – А первый взрослый хотя бы есть? – максимальная пятёрка по практике ставилась при выполнении норматива, соответствующего первому спортивному разряду. Шумкин кивнул, но как-то неуверенно, заставив собеседника сомневаться. «Судя по комплекции, не врёт. А там кто его знает? Вдруг “чайник”?» – подумал Гена и с опозданием пожалел, что подсел к парню. Расспросы эти были ему ни к чему. Впрочем, абитуриент пил кофе и, казалось, совсем не спешил продолжать разговор. Гена легонько хлопнул его по плечу: – Всё равно поступишь. Один-один – это элита и уже гарантия. Я сам, когда поступал,

был в ней. Теперь вот уже на третий курс перешёл. Буду в группе три-один. Нам, однёркам, – везде зелёный свет. Уловил?

Шумкин помотал головой отрицательно. Гена снова усмехнулся:

– Неважно. Сам потом дотумкаешь. Раз взяли туда, возьмут и дальше. Кстати, почему тебя в «единичку» приписали, знаешь?

Миша растерянно пожал плечами:

– Понятия не имею. Им, наверное, таких как я не хватает.

Гена задумался. Такое объяснение не убедило его. Каждый, кто попадал в элитную группу, имел для этого какое-то веское основание. «Ладно, выясним это у Костина», – решил волейболист, подумав о товарище, работающем в приёмной комиссии.

Облизав пальцы, абитуриент разгладил криво пришитый номер на майке. Он обдумывал то, что услышал по поводу группы и подобравшемся составе поступающих. Тренер десятиборца, регулярно бывавший в МОГИФКе на семинарах по повышению квалификации, посоветовал Мише подать сюда документы. Он же, похоже, позаботился о том, чтобы Шумкина предписали к элитной группе. «И все же почему один-один – это гарантия?» – подумал он, но спросил о другом:

– А почему ты назвал меня «земелей»?

– Как же: я с Севастополя и ты тоже. Разве не так? Шо ты вытаращился? Тут разведка уже всё обо всех донесла. Я потому и фотку твою на личном деле сразу запомнил. Земеля!

– Вообще-то, я только родился в Севастополе. А сам из Тулы, – пояснил Шумкин, вставая из-за стола.

– Да? – Гена снова почесал затылок. – Ну и ладно, всё равно земеля.

– Да-а, – рассеянно ответил Миша. Он постоял молча несколько секунд, потом спросил так, чтобы его не услышали другие: – а что, экзамен – трудный?

Гена громко засмеялся и хлопнул парня по плечу повторно, уже смелее:

– Да не боись! Ты шо сдаёшь? Спецуху?

Миша кивнул, облизав упругие губы.

– Фигня! Ты кто по специализации?

– Десятиборец, – небольшие и глубоко посаженные глаза забегали.

– А за шо борешься, знаешь? – Савченко решил отквитаться за шутку шуткой. Миша взглянул на него удивлённо. Гена взъерошил рукой свои тёмные кудри. – Стольник бежишь?

– Стольник с барьерами. И четыреста.

– Фи! Шо такое для привычного декатлониста четыреста метров? Семечки! Это не полтораха, где сдохнешь, – похоже, волейболист в специфике десятиборья разбирался, ибо дистанция на полторы тысячи метров действительно была самой сложной. Нередко, завершая выступления забегом на полторашку, десятиборцы падали, полуживые, сразу за финишной чертой. Согласившись с Геной, что четыреста метров – это гораздо приятнее, Миша стал составлять на поднос пустую посуду. После еды полагалось убирать за собой: официантов в студенческих столовых никогда не было. Впрочем, в советских столовых их не было вообще.

– Пошли лучше ещё по булке махнём, – предложил Гена, тоже вставая и направляясь в сторону кухни. Тут же за перегородкой раздался громкий голос главной поварихи тёти Кати, женщины широкой, как общепитовский противень, и пышной, как хорошо подошедшее тесто.

– Иди, говорю, отсюда, нет больше булок! – шикнула она на Гену. Он вынырнул из-за стойки, театрально закрыл уши и подмигнул Шумкину. Но тут же скорчил поварихе недовольную гримасу и, скрывшись от зала, пошёл в атаку. Завтракавшим был слышен голос Гены и видны из-под стойки половины его голеней и ступни в сандалиях.

– Как это нет, когда тока шо были? – голос Савченко переливался до взвизгиваний. – Я же вас знаю: спишете, как вчерашние, и сами слопаете. Или по домам растащите. Дай булку, тётька Катька! Я не задаром прошу, я за неё гроши плачу. Тащи давай!

Женщина за стойкой разразилась грубой бранью. Но Гена наверняка знал, за что боролся: булок в столовой всегда пекли с запасом. Это придавало ему сил. Шумкин замер с подносом в руках. Что-то подсказало, что вторая булка может стать губительной именно для четырёхсотметровой дистанции. Да и ругаться он не умел.

Гена выскочил из-за стойки.

– Э, земеля, ты шо встал? Иди скорее. Тебе перед стартом положено есть побольше углеводов, – он заглянул за перегородку. – Слышь, тётька Катька, не дашь нам ещё по одной булке, в деканат пожалуюсь, что недокармливаешь нас. Нам калории нужны.

Повариха ответила, что кроме калорий неплохо бы таким, как Гена, иметь и мозги. Волейболист с улыбкой выглянул из-за перегородки и выставил большой палец.

– Не боись, земеля, тут всегда такая битва за еду! Айда вдвоём отстаивать своё право на хлеб насущный! А, вот ещё и девушка нам в подмогу. Вам тоже булочку, красавица?

Шумкин оглянулся и хмыкнул. Он не заметил, как за ним встала та самая блондинка с округлой причёской.

– Вы мне ещё пирожное заварное перед стартом предложите, – ответила девушка Гене и обошла Шумкина так, словно он был неодушевлённым предметом. – Тётя Катя, будьте любезны, налейте мне ещё чаю, – подкупающе попросила она старшую повариху. Шумкин стоял, опустив голову и раздувая ноздри.

– Во, учись, Хохол, как с людями разговаривать надо, – ткнула повариха Гене. – Тебе, дочка, с сахаром чаёчку?

– Нет, спасибо. Отдайте сахар тем, кому калорий не хватает. А мне они ни к чему, – даже не глянув в сторону ребят, блондинка взяла горячий стакан, поставленный на маленькую тарелку.

– Ага, еще сахар им !.. Может, и мёду ковшом? – вовсе раздраконилась повариха; оба парня пристально рассматривали длинноногую спортсменку. «Подхалимка и гордячка», – тут же решил Шумкин.

– Ты, Гена, иди, а я после экзамена доем, – дал он отмашку новому приятелю и, оставив поднос, где положено, величаво направился к выходу. Он шёл медленно и неуклюже: накаченные мышцы спины не позволяли рукам прижиматься к телу, а мощные четырёхглавые мышцы бедра утяжеляли шаг, превращая его в поступь римского воина без доспехов, как сказал бы сейчас Бережной.

Глава 5

Из электрички, остановившейся в Малаховке на две минуты, народ посыпал, как манка из распоротого мешка. Абитуриенты МОГИФКа (их в этот час в поезде было больше всего) пингвинами выскакивали на перрон и, не переводя дыхание, оползнем сошли в корявый подземный переход. До первых экзаменов оставалось не более получаса, а путь от станции до института занимал минут десять быстрой ходьбы. Когда состав умчался и перрон опустел, в дальней части платформы показалась фигура высокого юноши со спортивной сумкой через плечо. Медленно приближаясь к подземке, он что-то искал в карманах брюк, а спустившись в переход, так же медленно вышел из него и направился в сторону привокзального базара. Володя Стальнов – старшекурсник института, подошёл к старушке, торговавшей зеленью у входа на базар, и устало улыбнулся:

– Здравствуй, бабулечка!

Бабка обрадовалась парню как родному, шустро поправила светлый платок на голове, зашуршала словами, как семечками:

– Здравствуй, милок, здравствуй! Как здоровье-то твоё? Всё ли хорошо?

– Рано мне ещё, мать, на здоровье жаловаться, – красиво улыбнулся Стальнов. – Сама-то как?

– Да твоими молитвами, сынок, спасибо.

Бабуся была ладненькой. «Наверняка по молодости ходила в красавицах», – подумал спортсмен по-доброму. Дружба с женщинами разных возрастов давалась Володе легко. Накрыв мягкую старческую руку, он пропел, как известный артист в изсестном фильме:

– И то ладно. Почём нынче опиум для народа?

– Ты про помидорки, сынок? – Мало в жизни старушки было человеческого тепла – она вдовствовала уже не один год.

– Про них, мать, – спортсмен перевёл взгляд на товар.

– Как и вчера: по тридцать пять копеек за килограмм. Бери.

Володя взял с миски верхний помидор, пощупал, продолжая торг:

– Разве вчера такая цена была? Ты вчера вечером вроде по тридцать торговала?

Старуха снова оправила платок и засмущалась:

– Так то вечером! Это уже остатки были. А тут – самый сок. Только с грядки. Бери, Володя. Тебе сколько? – Стальнов медлил, раздумывая, сколько спросить. Бабуся, удерживая покупателя, засуетилась, затараторила: – Чего думать? Бери! На базар пойдёшь, там дороже.

– Ой ли?

– А то! Они ж там за место пл*о*тят! А я нет. Смотри, какие красавицы – одна к одной, – старушка, убеждая, принялась снимать помидоры с чаши весов. Они и впрямь были один к одному – тугие, спелые. Стальнов милостиво махнул рукой:

– Ладно, ладно, не тормоши товар! Вижу, что хорошие. Я ведь тебя знаю. Не первый раз у тебя беру.

– Конечно знаешь, милок. Так чё ж капрызничаешь? – старуха была готова обидеться. Стальнов не дал, ответил миролюбиво, по-свойски, как и вправду родной:

– Мать, я не капризничаю, – он стал складывать овощи в спортивную сумку, – я присматриваюсь.

– А, ну да, ну да, – старушка кинулась помогать. – Это ты, милок, правильно. Другие, вона, и подмятенький положат, и не стыдно! А у меня – смотри, все один к одному. Тебе только килограммчик? Может, ешшо возьмёшь? Летом, да на жаре, да в салатик – самое то.

– Хватит, – Володя отсчитал мелочь, – мне ещё укроп надо и зелёный лук. Так что… Завтра снова приду, за свежими, – пообещал он: у этой старушки овощи были действительно и лучшие, и, относительно других, дешёвые.

– Давай-давай, милок, приходи, – обрадовалась старая женщина, зная, что студент не обманет, – каждый день собираю свеженькие. Витаминчики! Кушай на здоровье! – улыбнулась она на прощание и, сунув мелочь в карман юбки, стала накладывать в миску новые помидоры, разговаривая с собой: «Какой славный парнишка. Такой и мужем будет заботливым. Дай бог ему найти хорошую подругу!».

Когда бабка разогнулась с наполненной миской, Стальнова уже рядом не было.

Глава 6

В комнате, где работала приёмная комиссия, стояло три стола. За первым сидел Валентин Костин, студент теперь уже третьего курса, остриженный бобриком и с чёлкой веером. За вторым и третьим разместились одногруппницы со второго курса: Рита Чернухина и Катя Глушко. В кабинет вошёл очередник.

– У тебя чего? – студент был за главного.

– Я вчера паспорт забыл принести, – объявил конькобежец Юлик, широко улыбаясь девушкам.

– Совсем уже, – строго прокомментировала Рита, блондинка с мальчишеской стрижкой. Голос миниатюрной девушки, милой на вид, оказался неприятно скрипучим. Ногти её были окрашены каждый разным лаком. Конькобежец задержал на них взгляд, размышляя, красиво это или всё же отталкивающе. Он таким решительным красавицам даже зубы заговаривать не пытался, не говоря о чем-то другом.

– Как только голову не забыл! – поддержала подругу Катя. Тучная, даже сидя на стуле, она возвышалась над друзьями почти на голову. «И курит, мажу на сто, как паровоз», – подумал Юлик, отметив низкий голос с хрипотцой. От пристального взгляда Катя вовсе разозлилась: – Чего ты так недовольно смотришь? Сам виноват: у нас без паспорта в туалет не пускают, а он поступать пришёл… Да, Валёк?

«Валёк», не отвечая на ворчание подруг, сделал вошедшему знак глазами, говорящий «ну что ты хочешь – бабы!», принял паспорт и, не раскрывая его, стал пить из уже наполненного стакана. Девушки молчали, глядя на абитуриента с интересом. Тот тоже осматривал их по очереди. Валентин, шумно глотая, наблюдал за смотринами, потом поставил стакан, утёрся и сказал размеренно важно:

– Волнуется человек. Чего налетели? В группе один-один и не такое бывает.

– Ой, да ладно! Чё уж хуже забытого паспорта? – постукивая ноготками по столу, Рита явно кокетничала. Абитуриент был хотя и мелкий, но яркий, с выразительным взглядом. Он выглядел зрелым, старше своего возраста. К тому же поступал в группу один-один…

– Бывает, – усмехнулся Валентин, – я два года назад взял в бассейн вместо своих плавок трусы жены.

– Как это так? – не поверил Юлик, тут же переключившись с мысли о том, что, возможно, зря так скоро отказался от блондинки; дурам и непроверенным работу в приёмной комиссии поручат вряд ли.

– Да так получилось, – начал третьекурсник рассказ неохотно, – у неё трусы в леопард, и у меня плавки – такие же. Хапанул из шкафа без разбора, и всё. Тоже вот, как ты, волновался. Всё-таки вступительный экзамен. Не хухры-мухры.

– Ну да, – Юлик отёр пот с лица. – А попить у вас можно?

Валентин согласно махнул на графин с водой, и абитуриент тут же схватил его стакан.

– И чё? – Рита, слышавшая эту студенческую байку тоже впервые, даже развернулась. Юлик, слушая, пробовал понять, что у неё за странный акцент. Костин, воодушевлённый вниманием, продолжил живее и с жестикуляцией:

– А чё? Ничё. Пришёл в раздевалку, достаю, в запаре надеваю… Мать родная! А у меня оттуда всё ка-ак выпадет и в мягкое тело ка-ак врежется! Это же, прикиньте, бикини были.

Комната взорвалась таким смехом, что ожидающие в коридоре наверняка подозрительно покосились на дверь.

– И что потом? – Юлик бережно поставил стакан перед парнем: – Спасибо за воду! – смеяться он временил, пока не примут документы и не допустят к экзамену, а только улыбался. Валентин махнул рукой, торопясь досказать.

– На здоровье. Ничего. Генка-Хохол выручил, свои плавки дал. Сначала проржались все, конечно, а потом Генка выручил. Здесь ведь солидарность. Тем более, когда ты в группе один-один! Привыкай. А я – Валентин, председатель комитета комсомола института. Тоже в «единичке». И девушки – наши. Улавливаешь? – Юлик кивнул: особый статус группы один-один «работал» на протяжении всех лет обучения. Как и он, чемпион Харьковской области, эти трое, скорее всего, тоже имели какие-то основания для зачисления в элитную группу. – Ты комсомолец? – уточнил Валентин. Юлик придал лицу выражение «само собой». – Это хорошо, – улыбнулся комсорг. – Взносы – ко мне. Ходатайство на повторную пересдачу экзаменов – ко мне. И вообще, если что – ко мне беги. Понял?

– Понял, – конькобежец зачем-то козырнул.

– Ладно, давай посмотрим твой паспорт, а то до вечера не разгребём. – Валентин открыл документ и, глядя в него, медленно спросил: – Много там ещё народу?

– Из «единички» ещё трое. А вообще человек тридцать будет, – ответил коротышка-конькобежец, пристально наблюдая за лицом комсомольского лидера. Голова изучающего паспорт закачалась:

– Ну вот, так и знал: до вечера маслаться. Когда они собираются спецуху сдавать?

– Ночью, – уверила Рита.

– Ночью… Ночью нельзя, – пояснил комсорг, озабоченно наморщив лоб. – Так. Давай записывай: Штейнберг Юлиан Соломонович, украинец, – фамилию, имя и отчество, которые вполне могли бы послужить поводом для зачисления Юлика в «единичку», комсорг выделил интонацией: государственный административный антисемитизм, нередко граничащий с шовинизмом, Костин и не понимал, и не приветствовал. Ему, русскому парню, росшему в стране, где каждый второй имел происхождение от представителей как минимум двух народностей, любые разделения по расовым или национальным признакам казались отвратительными. Но указ о «постановке евреев на особый учёт» очень даже циркулировал, а места именно им во многих вузах выделялись самым чудесным образом и даже без особых для этого заслуг. Это в зарубежную поездку их не брали, а учиться или работать – пожалуйста! И про национальность, указанную в графе, ему тоже было всё понятно. Костин медленно поднял глаза и воткнулся в абитуриента взглядом, упёртым, но нейтральным. Как у судьи. Похоже, Штейнберг про свои «национальные особенности» знал не понаслышке, ибо глаз не отвёл.

– Украинец, – довольно произнесла Рита, записывающая данные, – серия паспорта, номер, когда и кем выдан?

Костин отцепился взглядом от абитуриента и медленно продиктовал требуемые данные.

– Кафедра зимних видов спорта, – посмотрел он на Юлика, подмигнув.

– … спорта, украинец, – эхом повторила Катя, вписывая данные в другую ведомость и стараясь не отставать от подруги. От усердия Глушко даже прикусила кончик языка. Ничего странного в сказанном студентки не узрели. Великая идея равенства, пропагандируемая коммунистами седьмой десяток, для всех и каждого в СССР являлась единственно приемлемой. Закрыв паспорт, Валентин зажал нос, предупреждая чих, и вернул документ хозяину.

– Всё, иди на экзамен, украинец, – он указал на дверь. Догадавшись, что лишние вопросы в этот момент неуместны, абитуриент взял паспорт и пошёл к выходу. – Слышь, как тебя там? Соломонович… – остановил его комсорг окриком, когда дверь уже была открыта. Юлик сжался, ожидая какого-то подвоха, но напрасно: Костин в этот миг думал только о себе. – Скажи там, пусть все сразу заходят, – он повернулся к удивлённым «подчинённым», – а то и вправду экзамены сдавать придётся ночью. Горбуша нас потом за провол***о***чку в пыль сотрёт.

«Горбушей» звали декана Горобову, женщину не просто строгую, а, по мнению студентов, порой даже деспотичную.

– А как же с документами? Оформлять ведь всё равно придётся, – Катя приподняла сразу несколько папок.

– Успеем. Завтра донесут. Или после обеда. Никуда не денутся. Давай, зови всех, – Валёк уверенно махнул рукой. Штейнберг кивнул и поскорее вышел. В открытую дверь до всех ожидающих в коридоре донесся уверенный голос комсорга: «Выпишем допуски и пусть идут… на стадион. Или куда там им нужно? Экзамены начинаются через пятнадцать минут. Зачем народ попусту мариновать? Понимать надо!».

Глава 7

На институтском стадионе кучками стояли преподаватели, окружённые абитуриентами. Экзамены по лёгкой атлетике сдавала группа один-один. В неё, кроме спортсменов-разрядников и медалистов в учёбе, зачисляли также представителей национальных меньшинств из автономий или округов. Сюда же определяли ребят, практикующих немассовые виды спорта – например, шахматы, стрельбу из лука, бадминтон и другие. Здесь же приглядывали за всякого рода «блатными».

Классификация спортивных разрядов в СССР, от юношеских нормативов до взрослых, заканчивалась шкалой мастерства: КМС – кандидат в мастера спорта, МС – мастер спорта и МСМК – мастер спорта международного класса. Звание Заслуженного мастера спорта – ЗМС было номинативным и присуждалось не за результат, а за выигрыш. Выше звания МСМК были только чемпионские. На международном уровне советская классификация разрядов ничего не значила, в стране же она определяла многое. В прогресс молодых вкладывали деньги: организовывали им сборы, поездки на турниры разного уровня, обеспечивали их талонами на питание и экипировкой, пусть отечественной, но такой необходимой. Полки советских спортивных магазинов предлагали разве только что туристические палатки, термосы и ручные фонари. Словно те, кто руководил производством спортивного инвентаря, призывали весь народ пуститься в один общий поход по горам и долинам необъятной Родины. Потому и смотрелась экипировка наших спортсменов уныло, но сами они выглядели счастливыми даже в трико с оттянутыми коленками и майках со сползающими лямками. Главным для них, как утверждали с трибун, были не красивая форма, удобные стадионы или залы, а правительство и коммунистическая партия, не допускающие подмену понятия «победитель» понятием «завоеватель». И хотя от залов и штанов не отказался бы даже самый заслуженный атлет, звание советского спортсмена несли высоко, на пьедестал взбирались гордо, под звуки национального гимна вытягивались в струну. Популяризация советского спорта несла миру доказательство победы не лично одного человека, а всей системы коммунистического воспитания. Ради неё гибли в сражениях отцы и деды сегодняшних чемпионов. Всё создавалось и делалось для того, чтобы показать мощь страны, начавшей с разрухи и голода и пришедшей за несколько десятилетий к массовости и результативности во всём. Слёзы Ирины Родниной на высшей ступеньке олимпийского пьедестала в Лейк-Плэсиде в 1980 году лицезрел и помнил весь мир. Непростой и не всегда дружелюбный, он признавал первенство чемпионов, а значит, аплодировал всему советскому народу – победителю и пионеру во многих отраслях. Ради таких минут можно было потеть, терпеть, сносить травмы и, уж, конечно, переживать недостатки сложившейся системы. Достоинств-то было всё равно больше, а народная слава и любовь, что обрушивались на каждого чемпиона, компенсировали любые лишения.

Абитуриентам, собравшимся на Малаховском стадионе, было сегодня конечно же совсем не до рекордов. Они мечтали сейчас только об одном – получить на вступительном экзамене высший бал. По всему стадиону то и дело взвизгивали стартовые свистки, шумно хлопали флажки при отмашках, звонко щёлкали секундомеры. Битумная дорожка, а фактически – асфальт, самая твёрдая и примитивная из всех покрытий, что были на стадионах, кипела от жара солнца и прыти молодых ног. В яме для прыжков в длину старшекурсники вскапывали годовало-нетронутый песок. Его было заметно мало. Чертыхнувшись, Бережной принялся объяснять про песок тем, кого привлёк к проведению экзаменов:

– Малаховские тётки растащили по домам, – на правах заведующего кафедрой Рудольф Александрович старался успевать повсюду. – Каждую осень песок завозим, а его за зиму половинят! Не усыхает же он! Да и видели наши, как приходят сюда женщины: кто с мешками,

кто с ведёрками. Гребут, кто для кошек, кто для морковки, а нам хоть пропадай! Гражданской сознательности у населения – никакой, – заключил мужчина.

Приказав перекопать яму до самого дна, Бережной направился с осмотром дальше. В секторе по прыжкам в высоту устанавливали стойки, таскали из подсобок на кафедре ржавые и продырявленные временем большие поролоновые маты. Стадион жил, кипел и дышал многочисленными ртами поступающих, сопереживающих и принимающих экзамены.

Старшекурсники Юра Галицкий, Толик Кирьянов и Гена Савченко разместились в тени берёз и осин поодаль от дорожек и ждали забегов на шестидесятиметровой дистанции, официально давно не признанной МОКом – Международным Олимпийским комитетом, но приемлемой для вступительных экзаменов.

Тофик Мамедович Джанкоев, молодой преподаватель кафедры лыжного спорта, делал перекличку. В руках у него был список с фамилиями десяти абитуриенток, на шее висел свисток, из кармана широких трико торчало древко стартового флажка. Его смуглое лицо блестело от пота. Упругая кожа рук, плеч и груди в разрезах майки тоже потела, отчего казалось, что тело мужчины намазано маслом. Высокий и складный, преподаватель то и дело утирался и оглядывался на коллегу-легкоатлета на старте. Получив приказ начинать, Джанкоев показал на старт:

– Так, первый забег, выходите по очереди каждая на свою дорожку. – Девушки тут же все как одна шагнули вперёд. Тофик Мамедович жестом вернул волнующихся абитуриенток на место. – Я же сказал – по очереди! Буду вызывать – выходите. Понятно? – дождавшись общего кивка, преподаватель приблизил папку со стартовыми листами к глазам и почти крикнул: – Кашина Ирина!

Толпа абитуриенток от неожиданности вздрогнула единым нервным движением.

– Зачем так кричать? Здесь я, – одна из стартующих, с ног до головы в «адидасе», перекинула толстую русую косу с одного плеча на другое и подтянула футболку. Тонкое кричаще-алое трико туго обтягивало женственные бёдра. Светло-синие беговые шиповки контрастировали с битумом. Безупречное качество «фирм***ы***» ярко выделялось на фоне отечественных трусиков и маечек остальных.

– Ты у нас… «лёгкая атлетика, прыжки в высоту», – прочитал Тофик Мамедович в списке. Оторвав взгляд от листа, он быстро и радостно улыбнулся, но, увидев в ответ высоко поднятую голову и непроницаемое выражение, жестом указал Кашиной на первую дорожку. Понизив голос, преподаватель вызвал следующую абитуриентку:

– Маршал Татьяна!

– Здесь! Лыжи! – по-армейски доложила крепкая девушка с румяным лицом. Она уже добрых десять минут переминалась с ноги на ногу. По толпе снова прошла нервная волна.

– Ты что, совсем больная? – Кашина постучала пальцем по голове. – Предохранитель, что ли, полетел?

Маршал растерянно заморгала и посмотрела на преподавателя. От волнения она стала переминаться ещё торопливее. Длинные сатиновые шорты врезались ей между ягодиц, но Маршал стеснялась их одёрнуть и лишь сконфуженно улыбалась.

– А где колодки-то? И почему у вас тут битум? Все ноги сломаешь, – повернулась Кашина к преподавателю, – что за колхоз? – Обычно даже короткий спринт бегали со стартовых колодок. Что же касалось битума, то девушке, рождённой в столице, и невдомёк было, что уже в ближайшем Подмосковье и он шёл за счастье. Нередко обходились рыхлой гаревой дорожкой из отходов кирпичного производства. Лыжник Джанкоев, не знавший ни про технические тонкости легкоатлетических покрытий, ни про колодки, растерянно пожал плечами. Звезданутость красавицы с косой вызвала среди стартующих всеобщее осуждение. Высокая блондинка со стрижкой «сессун», что ранее пила в столовой чай, а теперь стояла в группе поступающих, усмехнулась:

– Колодки остались в «Лужниках» для мастеров спорта. Там же дорогой рекортан, маты из хорошего поролона, сектора с зонтиками и раздевалки с душевыми. А остальным, кто решил поступать в колхозные институты, приказано научиться бегать сначала в таких условиях. Понятно тебе, незнакомая соперница? – тоже высотница, да к тому же участница недавней Спартакиады школьников, видела Кашину впервые. Из чего следовал вполне логичный вывод: яркими у Иры были только спортивные штаны, но никак не список достижений. Ответ блондинки вызвал многочисленные усмешки и придал преподавателю уверенности. Воспользовавшись тем, что Кашина молчит, Джанкоев отправил Маршал на вторую дорожку. Не дожидаясь остальных, она сразу встала в высокий старт в позу конькобежца. Это вызвало очередной смех. Тофик Мамедович попросил Таню повременить. Маршал распрямилась, но топтаться на месте не переставала.

– О! С лыжни сошла, а лыжи снять забыла, – прокомментировал Савченко, обмахиваясь сорванным листом лопуха. Перекличку стартующих ребята слышали достаточно отчётливо.

– Бедный Тофик Мамедович, – пожалел преподавателя Кирьянов. – Зачем его на девчонок бросили? Он и так всё время пасует перед ними, а тут ещё – абитуриентки. Взмок вон весь.

– Взмокнешь тут, – согласно кивнул Галицкий и несколько раз оттянул майку, – это тебе похуже новобранцев. Женщины – народ неизученный, а в пределах нашего института – ещё и необузданный. Гляди, как глотки рвут!

Кашина, всё ещё не успокоившись, продолжала осуждать Маршал. Таня отвечала не грубо, но жёстко, обзывая Иру то капризулей, то нервнобольной. Тонкогубое лицо красавицы кривилось от недовольства. Другие поступающие громко галдели, кто-то брал сторону Тани, кто-то – Иры. Стартовая позиция превратилась в кучу-малу. Тофик Мамедович в панике коротко дунул в свисток. Звук получился неожиданно громким. Девушки мигом успокоились.

– Кашина, прекратите добавлять лишний стресс и вернитесь на первую дорожку, – мужчина прогнулся в жесте халдея, зазывающего посетителей вглубь ресторана, – Маршал, марш на вторую! – Таню преподаватель едва удостоил кивком головы. – Так, ты тоже вроде наша. А почему в группе один-один, а не у лыжников?

– Рабоче-крестьянское происхождение, – ответила девушка коротко. Преподаватель кивнул и на всякий случай предупредил:

– Бежишь спринт вместо зачёта по лыжам.

Согласно подняв руку, Таня заняла место на дорожке уже без слов. Тофик Мамедович улыбнулся и, довольный установившимся порядком, осмотрел остаток толпы:

– Маладэц, Маршал! Всё делаешь правильно! – в моменты большой радости кавказский акцент преподавателя проявлялся особенно.

Гена в тени берёзы поймал кузнечика и безжалостно оторвал ему крылышко:

– Да, по-моему, это тот «маршал», что рискует стать простым сержантом. Шо скажешь, Пан? – обратился он к Галицкому. Десятиборец и поляк по происхождению, Юра ответил неожиданно резко:

– Скажу: прекрати мучить животное!

Савченко с удивлением посмотрел на свои пальцы.

– Ну и шо? Подумаешь, нашёл животное. Это же не кошка, чтобы жалеть! – Гена задрал ногу в сандалии и стал дёргать ею, что-то вытряхивая.

– Ну и варвар же ты, Хохол, – Кирьянов зло посмотрел на Гену. – Уверен, что ты и кошке лапу оторвёшь – не заплачешь. – Щуплый Толик нежно сбросил муравья, заползшего на руку.

– Да ладно вам, мужики, шо напали? – волейболист откинул в сторону покалеченного кузнечика, подобрал брошенный лопух, снова стал обмахиваться.

Юра потянулся и взял беспомощно барахтающееся насекомое на ладонь.

– Дурень ты, Генка. Тебя бы так. Он ведь теперь помрёт без крыла. Лучше сразу задавить, чтобы не мучился. – Четверокурсник с силой вдавил кузнечика в траву. Кирьянов вздохнул. Гена досадливо поджал губы.

В это время Тофик Мамедович произнёс по слогам:

– Цы-га-нок Свет-ла-на!

– Я здесь, Тофик Мамедович, – медово пропела ещё одна девушка в строю и прошла на третью дорожку, кокетливо улыбаясь: – Позицию заняла.

– Это ты из Евпатории? – голос Джанкоева зазвучал как в замедленном кино.

– Та конешна я, Тофик Мамедович, – Света отвечала по-прежнему мелодично, акая, с украинским выговором.

– Хорошо… Тепло там. Море, – преподаватель на мгновение унёсся мыслями вдаль.

– А зачёт по лыжам вы будете принимать? – вернула его украинка к действительности. Копна русых кудрявых волос, подстриженных в каре, придавала ей задорный вид. А веснушки, полные губы и курносый нос совсем не портили.

– При чём тут лыжи? Ты – спринтерша, легкоатлетка, спартакиадница, – вопрос абитуриентки был настолько не к месту, что рельефные мышцы рук преподавателя, удерживающие списки, напряглись, – лыжи у вас будут только зимой.

– Та знаю. Ну всё равно: вы или нет? – Цыганок залюбовалась бицепсами мужчины. Он это заметил, расслабился и беспомощно произнёс:

– Ну, мы, может быть.

– Тогда я к вам пойду. – Света продолжала кокетничать. Савченко, поражённый мелодичностью её речи, зачем-то взялся перестёгивать пряжки сандалий, продолжая смотреть на дорожку.

– Ладно, посмотрим, – Тофик Мамедович что-то записал на стартовом листе с именами и продолжил: – Никол***и***на Елена!

– Ник***о***лина. Я! – высокая блондинка со стрижкой «сессун», поправила преподавателя, продолжавшего коситься на Цыганок, и ловким жестом на ходу оправила кримпленовые шорты, обрезанные чуть ниже края ягодиц.

– Извини, – мужчина снова что-то пометил в ведомости, – ты у нас… тоже «лёгкая атлетика, спартакиадница» и.… тоже «прыжки в высоту»?

– Есть такой грех. Хотела пойти метать молот, но массу, как у Юрия Седых, не нарастила. Бегать с высокого старта я, Тофик Мамедович, умею, – добавила она, не столько снова осмеивая Кашину, сколько пытаясь разрядить обстановку. Джанкоев улыбнулся. Кто-то хихикнул. Кашина скривила губы.

– И последняя: Сычёва, – прочёл преподаватель, – спорт не указан. Так. Кто Сычёва?

– Я Сычёва. Я – тоже лыжи, вон как она, – прогремел звучный, низкий голос, а взмах руки указал на Маршал. Все посмотрели на Сычёву так, словно она не стояла с ними рядом вот уже битые десять минут, а только что свалилась с неба, в кедах, с нахлобученной панамой и полиэтиленовым пакетом.

– О! Ты видишь, Серко, это та, из За…– Армен указал на дорожку. Они с Сериком явились на стадион только что. Не подозревая, что раздевалки на этом стадионе не было в помине, оба бестолково стояли в городской одежде и держались ближе к финишу.

– Сычёва из Загорска, – уточнил Серик и всмотрелся.

– Похожа, – улыбнулся Армен.

– Нишево не пахожа. Толка пакет пахожа, а штаны другой. И майка другой, – засомневался Серик.

– Она, – подтвердил Армен, приложив сложенные в бинокль кулаки к глазам, – Кеды те же. Я их запомнил; они ей на два размера больше.

Тофик Мамедович тоже разглядывал Сычёву; только не с интересом, а с недоумением. Кашина, Николина и Цыганок вышли на старт в беговых шиповках. На Маршал были кроссовки «Арена», «деревянные», как их звали из-за жёсткости, и единственные, что делали в стране для спортсменов. Кеды в СССР носили обычно те, кто к спорту не имел никакого отношения. Тофик Мамедович хотел что-то спросить, как вдруг вспомнил про утренний педсовет: декан Горобова просила преподавателей, принимающих экзамены, не задавать лишних вопросов абитуриентке по фамилии Сычёва. Молча утерев пот, преподаватель покорно выдохнул.

– Сними шляпу, отдай пакет вот тем, кто не бежит, и иди на пятую, – приказал он. Указы – указами, но он не мог допустить того, чтобы спринт бегали в панамке. Дождавшись, пока странная девушка сделает как он велел, преподаватель обрадованно скомандовал: – Всё! Первый забег – по местам! Остальные – отошли подальше!

Пятеро абитуриенток второго забега встали группой на шестой дорожке, разбитой дождями и снегом так, что использовать её по назначению давно уже никто не решался.

– Ну и как тебе, Пан? – обратился Гена к Галицкому. – Кроме блондинки и с косой смотреть не на что, да? А эта, Цыганок, – совсем не цыганок. Рыжая какая-то. Но тоже ничего.

– Хороша-а, – протянул Кирьянов, – одни ягодичные мышцы чего стоят! – Толик потёр худой зад.

Гена ответил гордо:

– Наша-а. Хохляндия. За версту видать. Мы их там таких штампуем. Глазища у всех – во! Ну, и остальным бог не обидел. Есть, так сказать, куда руки положить.

Галицкий усмехнулся: похоже, волейболист старался загладить историю с кузнечиком.

– Где-то я уже видел вон ту, в кедах, – сказал Кирьянов, почесав теперь нос.

– Такое увидишь – спать не сможешь! Пошли ближе к финишу. Ща побегут, – Савченко вскочил и вышел из тени деревьев ближе к дорожкам. Четверокурсники остались на месте.

– А ты чего тут, Толян? Ты же никогда не ходишь на вступительные! – мечтательно глядя на спортсменок, Галицкий вытянул травинку. Со стороны финиша к группе стартующих шёл старший преподаватель кафедры лёгкой атлетики Михайлов, тоже со свистком на груди.

– У меня Толян поступает, – голос Кирьянова был встревоженный.

– Для друга это важно, – кивнул Юра, закусив прозрачно-зелёный хвостик овсяницы.

– Он мне не друг, Юрок, он мне как брат. И даже больше, – признался Толик.

Юра хотел схохмить, что «даже больше» может быть только сын, но в результате уважительно промолчал. Особо крепкая дружба между марафонцами и бегунами на длинные дистанции была в лёгкой атлетике делом привычным. В это время на дорожке давались последние распоряжения.

– Так, абитуриентки, взяли булавки и быстро прикололи нагрудные номера, – Михайлов проверил номера по списку поступающих.

– Зачем нам эти картонки? – Кашина брезгливо подняла плотную ткань, загрунтованную краской, до уровня глаз. – Нас всего пять. Трудно запомнить, что ли?

– Первая дорожка, это что за капризы? Номера – персональные, вписанные в протоколы, и пригодятся вам для всех экзаменов: и для прыжков, и для гимнастики, и в бассейне, и даже для лыж в декабре тем, кто поступит, – Михайлов, раздавая номера, весело посмотрел на Маршал. – Всё ясно?

Таня кивнула.

– Девчонки, в бассейне его надо держать в высоко поднятой руке, – хихикнула Николина, пытаясь согнуть дубовую ткань. Кашина понюхала номер на расстоянии и сморщилась.

– Что они у вас так воняют? У меня голова от этого номера заболит, – губы Иры сжались ещё больше. – И что вот теперь с ним, приколотым, спать надо? Или зимы дождаться, чтобы сдать экзамен по лыжам?

– Спать не надо: сразу после забега отдадите булавки им, – Михайлов указал на девушек второго забега.

– Так у нас же потом сразу прыжки!

– И что, первая дорожка, в чём проблема? Они пробегут и тебе тоже сразу отдадут.

– А нельзя было придумать способа попроще, чтобы не бегать с булавками по всему стадиону? – Кашина демонстративно выставила вперёд ногу, затянутую в мягкую ткань адиадаса из ФРГ, упёрла руки в бока и склонила голову.

Михайлов нахмурился и попробовал добавить в голос металла:

– Так, первая дорожка, чем вы недовольны?

– Я не «первая дорожка», я – Ира Кашина, постарайтесь запомнить, – красавица мотнула косой и стала прикалывать номер. Михайлов отступил и выдохнул. Но, похоже, расслабился рано.

– А можно я приколю это на спину? – прогудела Сычёва, тыча номером преподавателю почти в лицо. – У меня на груди… грудь. И лифчик будет мешать, – девушка рассматривала себя, пытаясь подобрать подходящее место для номера. Студенты, стоявшие вблизи группы, громко захохотали. Со стороны болельщиков посыпались реплики весёлых и находчивых, каких немало было в любом институте.

– Какая редкость для женщины!

– Грудь на груди – это понравится Павлу Константиновичу!

– Лифчик мешает – лифчик сними!

Тофик Мамедович свистнул, пробуя вернуть ситуацию под контроль. Сычёва, всё так же глядя на Михайлова, тихо переспросила:

– Так можно или нет?

Преподаватель от растерянности набрал в рот воздуха и надул щёки:

– Ну, если ты собираешься бежать спиной, то можно.

– Нет, бежать я буду грудью, как Людмила Кондратьева, – решила для себя Сычёва, но сделала это вслух, чем вызвала очередную волну гогота и удивления одновременно: до олимпийской чемпионки абитуриентке было как пешком до Манхэттена. Михайлов, беспомощно махнул рукой:

– Да делай ты что хочешь! – и добавил потише и с сарказмом, – «Людмила Кондратьева». – Увидев, что девушка в кедах поняла его слова буквально и крепит номер на бок, он глянул на свои короткие ноги и добавил: – Хоть на ляжку себе его прилепи. Ну и наборчик! Давай, Тофик, сам тут разруливай. Я на финише, – коротконогий мужчина пошёл прочь, всхохатывая на ходу. – Ещё не поступили, а уже борзеют. Сразу видно – спартакиадницы!

«Скорее бы закончился этот день», – в который уже раз подумал Тофик Мамедович, глядя в спину коллеге, старше себя всего-то на два года, но такого уверенного в себе.

Глава 8

В холле общежития Шумкин встал перед стойкой дежурной вахтёрши и уставился на лестницу, ведущую наверх. Часы на стене показывали девять тридцать утра. Экзамен по специализации уже начался, но Миша знал, что его забег будет не раньше десяти – сначала пропустят гладкие бега, и только потом начнутся дистанции с барьерами. Значит, можно подняться в комнату и минут пятнадцать полежать с задранными ногами. Десятиборец шагнул в сторону лестницы.

«Не ходи! – остановил его внутренний голос. – Ляжешь, разморит. Вообще бежать не захочешь. Или, чего доброго, заснёшь и опоздаешь!». Он хорошо знал, что умудрялся храпеть даже во время сеансов аутотренинга. Пытаясь оценить, насколько он сейчас нервничает и стоит ли воспользоваться советами психиатра Иоганна Шульца, Миша задержал ногу в полушаге, как в стоп-кадре. Проспать вступительный экзамен по специализации грозило досрочным отчислением. «Это как «Отче наш», – подумал Шумкин, развернулся и пошёл к выходу, но, увидев яркое солнце, остановился опять. – А может, всё же полежать пять минут?» – рука его потянулась к макушке, туловище развернулось, ноги понесли к лестнице.

Дежурная, пристально наблюдавшая за юношей, насупила брови.

– Ты чё тут мечешься, как шальной? А ну, пропуск покажи! – Пожилая женщина, несмотря на жару, была одета в шерстяную юбку, чулки, кофту с закатанными рукавами и платок, накинутый на плечи.

Прерванные «глубокие» мысли сменились на лице абитуриента удивлением, и Миша отпрянул:

– Чего?

– Чего, чего…Того! Пропуск давай! – вахтёрша стояла на посту не для фикции. Работу свою она любила и знала. Сохраняя безжалостное выражение лица, она упёрла руки в бока. В это время на лестничном проёме между первым и вторым этажами показались голые девичьи ноги и послышались голоса.

– Какой пропуск? – Голые ноги стали спускаться по ступенькам. Шумкин жадно предвосхищал появление всего остального. Требования дежурной показались ему незаслуженно агрессивными.

– Не придуривайся! Или ты не из нашенских? Тада так и скажи. Прошмугнуть хочешь? Не выйдет. Я вас, ненашенских, за версту чую! – старуха черканула себе по кончику носа указательным пальцем. – Вы у меня сотнями за день проходите, а я всё одно знаю: кто свой, кто так, к девчатам пришёл.

Растерявшись, Миша оторвал взгляд от студентки.

– Чего-о-о? Нужны мне ваши девчата, – взмах руки в сторону девушки вышел автоматическим. Она, премиленькая от лица до этих самых голых ножек, замерла на лестнице, глядя с удивлением. Это раззадорило парня ещё больше. Значительно повысив голос, он нахмурился: – Я сюда поступать приехал, а не… Я пять минут назад оттуда спустился, – он снова показал на лестницу, и его тело, сработав на опережение, пересекло линию «доступа». – Вы что, меня не помните?

Старушка, добрая и многих понимающая, будь собеседник поспокойнее, возможно, и отступила бы, но теперь еще сильнее сжала губы и угрожающе покачала головой. Растерянный Шумкин бросил взгляд на девушку, ища поддержки.

– Не помните?

Миниатюрная красавица кивнула:

– Почему не помню? Помню. Вы тоже поступаете. Мы же неделю назад вместе записывались в приёмной комиссии. Мы оба в группе один-один.

Миша удивился, как он мог не запомнить *такую* девушку. Впрочем, время подстёгивало. Подыгрывая, он кивнул:

– Да-да. Точно! Вы…?

Востроносая девушка широко улыбнулась, вызывая у Шумкина мгновенную симпатию:

– Я – Лиза Воробьёва, бегунья. Из Брянска.

– А, ну да, Брянск, конечно, помню, – юноша продолжал роль если не царя, то рыцаря – словно не ему оказывали милость, а он сам. – А я – Миша Шумкин. Десятиборец, – информация из первой фразы была предназначена для девушки, из второй – для дежурной. Женщина на посту, воспользовавшись новым замешательством, торопливо выскочила из-за стойки и грудью перекрыла проход, а с ним и доступ к незнакомке.

– Ничё не знаю. Пропуск давай! А то «пять минут, пять минут». Здесь тебе не кино, а я тебе не Гурченко! Откуда мне знать, ты это был или не ты? У меня вас за день по сто человек перед глазами мелькает. Всех не упомнишь, – помахав руками перед глазами, старуха раздраженно засунула их в карманы кофты. Раздвинутые локти, втянутая шея и толстенные линзы очков придавали женщине сходство с Совой из мультика про Вини-Пуха. Миша вздохнул, почувствуя себя бессильным перед логикой вахтёрши, которая то утверждала, что помнит всех, то отказывала признать того, кого видела несколько минут назад. Но в присутствии девушки хотелось выглядеть спокойным и умным, поэтому, чеканя слова, Шумкин проговорил:

– Да какой пропуск, мадам?

Бабка язвительно отреагировала:

– Обныкновенный! Красненький! Квандрантненький!

Шумкин даже улыбнулся: бабка напомнила ему родных стариков.

– Тётя Аня, да ведь это абитуриент с кафедры лёгкой атлетики; он со мной поступает, – вторая часть фразы вышла у девушки в полувопросительной интонации, что насторожило дежурную ещё больше.

– Ничё не знаю! – тряхнула она головой. – Он тебе щас тут чё хошь подтвердит. Лёгкой атлетики! Такой амбал? Ему в пору штангу таскать! И вообще, я вам не тётя Аня! Я вам Анна Леонидовна! Как моя тёзка Хорошкевич. Знаете такую?

Девушка подняла вверх обе ладони, признавая и претензию, и свою неосведомлённость относительно знаменитого доктора исторических наук.

– Простите, Анна Леонидовна. Извините. Я слышала, как вас все зовут «тётя Аня», поэтому…

Дежурная пригрозила пальцем:

– Не надо! Тётя Аня я для своих. А вы – пропуск давайте!

Вахтёрша снова требовательно сдвинула брови.

Шумкин слегка повысил голос:

– Я что вам его из трусов вытащу? – возмущение его росло – ноздри раздулись, ещё больше расширяя и без того крупный нос юноши. За этой сценой наблюдало несколько человек, а быть в роли подозреваемого Миша не любил.

– А чё ты тут в трусах шмыгаешь, а? – в голосе бабки были и насмешка, и возмущение. Шумкин оглянулся: вокруг все были в летней форме.

– Да тут все в трусах шмыгают! – заметил он дежурной. Она поёжилась:

– Ну и чё за мода? И позор, и зябко небось.

– Мамаша, у нас институт физкультуры, а не оперный театр! Вы перепутали: галстуков и бабочек тут нет! – Миша сделал реверанс и развёл руками. Девушка мило улыбнулась, но, как только дежурная снова повернула к ней голову, мгновенно посерьёзнела и даже вытянулась.

– Всё одно: неприлично в трусах! – заладила бабка.

– Тьфу ты, заело! Что, им можно, а мне нельзя? – Миша указал на двух ребят, спустившихся с этажей.

Дежурная осмотрела их и не сдалась:

– Им можно. Они – свои. А ты, в трусах, – иди на стадион.

Шумкин выпучил глаза. Изо рта у него вместо слов вырвалось маловнятное пыхтенье:

– Ну, блин, совсем уже! Даже в войну такого не было! Они, в трусах, – свои, а я, в таких же трусах, – не свой.

– Ты ещё и с номером, – бабка ткнула парню в грудь.

– Руки! – повысив голос, произнес Шумкин. Дежурная противоречила самой себе. Могла бы догадаться, что просто так, кому попало, стартовый номер не выдадут. Но бабке было не до размышлений, она начала этот спор и, видимо, решила закончить его только победительницей.

– Не надо, Миша. Пошли на стадион, – Лиза взяла бунтаря под руку так мягко, что он мгновенно повиновался.

– Изергиль! – успел бросить Шумкин обидчице.

– Чё? – бабка, явно с ранней пролетарской классикой не знакомая, пошла на Шумкина в лобовую атаку. Девушка потянула спутника к двери уже более настойчиво, но он упёрся:

– Ну ты! Ну ты! Не наваливай!

– Иди на стадион, говорю! – дежурная не отступала.

– Без тебя знаю, куда мне идти. Сама бы ты не пошла… – Миша выдернул руку, освобождаясь. Как он ненавидел ссориться с кем бы то ни было! А вот надо же: не сдержался. Да ещё перед кем? Перед такой милой красоткой.

Шагнув в его сторону, вахтёрша взвизгнула:

– Ах, ты так! Ну, смотри у меня, – дежурная быстро шмыгнула за стойку, откуда появилась с веником. Увидав её в полном вооружении, Лиза с силой потащила Мишу за дверь. Ретируясь, он успел всё же крикнуть, что будет жаловаться.

– Иди-иди! – не обратила старуха внимания на угрозу и, как только дверь закрылась, стала размашисто мести пол у выхода. – Небось, двоечник заядлый, а туда же: «в войну такого не было!» … Чё он знает о войне, что там было или не было? Вот я всю войну на плечах вынесла, могу сказать. И голод, и холод. А он… – дежурная поправила платок и выглянула в окно. На улице перед общежитием никого уже не было. – Ишь, легкоатлет мне нашёлся! Смотри у меня! – женщина погрозила в окно веником. Завелась она теперь надолго.

Глава 9

В секторе для прыжков в высоту, на стороне, противоположной от старта шестидесяти метров, студенты готовились к экзамену. Через поле тащили стол, стулья, лавочку. Когда-то, когда высотники прыгали способами «ножницы», «перекат» «волна» и в начале освоения «перекидного» ямы для прыжков были из песка. С появлением «фосбери-флопа» песочные ямы заменили натяжными брезентовыми, в которые укладывали матрасы. Появившиеся им на смену толстые маты значительно преобразили прыжковые сектора. В МОГИФКе, построенном в двадцатых годах этого века, песочную яму для прыжков в высоту выгребли и залили цементом, на который сейчас и складывали поролон.

Среди абитуриентов в секторе резко выделялись Андрей Попинко – брюнет с аккуратной причёской гимназиста и русый красавец Виктор Малыгин. Трикотажная майка авоськой висела на первом и плотно обтягивала грудные мышцы второго. Первый знал о втором практически всё и заранее преклонялся перед его талантом и мастерством. Второй увидел первого только что, но вёл себя с ним, как с равным. За спиной Малыгина была служба в армии, пусть формальная, в рядах армейского спортклуба, но всё же официальная. Два года разницы между вчерашним школьником и сегодняшним мобилизованным ощущались не только внешними данными. В стране, где даже хороший шерстяной спортивный костюм был огромным дефицитом, а трусики для выступлений девушки шили сами и из чего придётся, и сами вязали наколенники, напульсники, налокотники и всё остальное с приставкой «на-», фирменная спортивная экипировка и инвентарь, такие как фирменные стрелы для лука, ракетки для настольного тенниса, воланы для бадминтона и далее по бесконечному списку, выдавались только членам сборной страны. Единственная в СССР экипировочная база, местонахождение которой было определено как «где-то в Подмосковье», получала всю эту иностранную «прелесть» под расписку и вела её строгий учёт. Ещё бы! За контракты по поставкам платили иностранцам валютой и из фондов Госкомспорта. Выдача одежды и инвентаря производилась в единственном на всю страну экипировочном центре, расположенном в «Лужниках», под пятиэтажными трибунами стадиона и обязательно в преддверие какого-нибудь важного международного спортивного события. Перед Олимпиадой экипировали всех. Перед чемпионатами мира, Европы, Кубками федераций, универсиадами и тому подобными соревнованиями одевали только конкретные команды или сборные по видам спорта. Мерки на одежду (размах рук, ширину плеч, шага, длину ноги, стопы, объём груди, талии, рост, вес и даже силу кисти для выписки канатов яхтсменам и парусникам) заносили в учётную ведомость, хранили в несгораемых сейфах, подписывали у самого высокого начальства – председателя Госкомспорта. После чего индивидуально подбирали ракетки для тенниса в соответствии с длиной предплечья, а жёсткость шестов – исходя из силы прыгуна. В конкретный день и час спортсменов вызывали в «Лужники», и не дай бог было опоздать на это мероприятие! Доступ в экипировочный центр происходил по заранее утверждённым спискам, составленным начальниками команд или клубов. Ошибки с выданным размером бывали, недостачи – тоже. Зато договориться с начальниками центра о покупке чего-то «леваком» не приходило в голову никому. Чёрную икру можно было красть банками и вывозить за пределы торговых баз. Могли воровать драгоценные металлы и другие полезные ископаемые. Но только не спортивную форму! Потому что каждый спортсмен, доживший до счастливого дня экипировки, уже был героем. Уважение в этом случае останавливало больше, чем страх перед статьёй о расхищении социалистической собственности, что сулила срок по полной – на двадцать пять лет.

Красивая форма Малыгина вызывала здоровую зависть, а вот форма Кашиной, явно купленная у спекулянтов, смотрелась фальшиво. Надеть фирму, да ещё – упаси господи! – с

заветными буквами СССР на спине, без заслуженного права носить её считалось чуть ли не святотатством. Хотя каждый, прогрессируя в результатах, рано или поздно покупал себе что-то из импортной формы. Если не маечку или купальник, приятные в носке и скроенные так, что ничего из них не вываливалось, а резинки после десяти стирок не растягивались, если не шиповки, удобные и эстетичные, а не с шипами, торчащими, как клыки саблезубых тигров, если не кепки с козырьками, скрывающими лицо от солнца и не сползающими на протяжении всей марафонской дистанции или долгого матча по теннису, а не с козырьком-импотентом, падающим на лоб блином после первого километра пути, – то хотя бы клюшку, коньки, мяч, весло, лук, колесо для велосипеда, сани для спуска, шину для мотоцикла и прочее, прочее, без чего ни сделать точную передачу, ни рулить, ни грести, ни стрелять, ни скользить нормально не получалось. Оценив это, фирм***у*** на «чайниках» осуждали, но желания иметь её не стыдились.

Попинко, радуясь, что Малыгин, наряду со всеми таскает маты, старался во всём подстроиться под его команды – словно и в этих хозяйственных советах могла быть подсказка. В какой-то момент, оставшись в секторе вдвоём, они услышали короткие, призывающие к порядку свистки Михайлова.

– Я взор обр***а***щу к стае тех наяд, – пропыхтел Андрей под весом матраса, который силился придвинуть поближе к другому такому же. Малыгин, на мгновение ощутив себя иностранцем, крякнул. Вместо того чтобы разъяснить смысл сказанного, Попинко указал на старт: – Пойдём посмотрим?

– Отсюда тоже видно, – Витя играючи подтолкнул поролоновые квадраты один к другому. Андрей разогнулся и несколько раз покрутил головой, разминая шею.

– Видно, да не слышно. Смотри, как они тешат народ своим заливистым хохотом, – указал он на первую пятёрку девушек. Три легкоатлетки встали в низкий старт, а две – в высокий. Маршал согнулась как до этого – в позе конькобежки, Сычёва изобразила странную фигуру, отдалённо похожую на разножку «Колхозницы» в памятнике скульптора Веры Мухиной у входа на ВДНХ. Витя смотрел на этот кордебалет с удивлением.

– А, ну да. Похоже, – добавил он, внимательно глядя на Попинко и пробуя угадать, москвич тот или чудик. Жители столицы отличались не только акцентом – местами тягучим, «акающим», местами съедающим гласные, но и самой речью. Вот у них в Чебоксарах никому бы и в голову не пришло сказать «тешить народ», обошлись бы сочетанием «надорвать животы» или даже «оборжаться можно». Тогда как в Москве и Ленинграде статному блондину не раз приходилось попадать в компанию с такими вот умниками, как этот новый коллега по сектору.

– Перевязать бы их чем-то, – кивнул он на маты штангисту Саше Поповичу, подошедшему с планкой и брезентовой накидкой. С ним высотники познакомились на кафедре несколькими минутами раньше, когда забирали поролон. Бережной назначил Поповича ответственным за подготовку инвентаря, и теперь он командовал по-хозяйски, но без гонора, и говорил понятно, без закавык.

– Не дрейфь, мужики, – заверил третьекурсник, растянув губы в улыбке. Разговаривая, штангист то и дело поигрывал накаченными мышцами и дёргал лицом. Со стороны это было похоже на нервный тик, но молодые люди о таких расстройствах нервной системы даже не слышали, поэтому привычке Саши весело улыбнулись. Подтолкнув для верности все четыре поролоновых квадрата руками, похожими на лопасти, Попович добавил для убедительности: – Я два раза уже был на вступительных экзаменах; фирма гарантирует!

– Лады, – согласился Виктор, накрывая маты плотным брезентом. Закончив и стряхивая с ладоней рыжую крошку, он повернулся к дорожкам: прозвучал свисток, и первые пять девушек сорвались со старта. Вернее, сорвались легкоатлетки. Лыжница Маршал сначала разогнулась, потом побежала. Что касается Сычёвой, то она, стартанув, даже успела потрогать приколотый номер, который всё же оказался на груди.

– М-да уж…– проговорил Малыгин задумчиво, вглядываясь, – такое может вредно сказаться на здоровье.

– Это точно. Сплошные нервы. – Попович смотрел туда же, шевеля губами, как сом.

– Но вроде ничего, а?

– Класс!

– А? Ты про что? – Виктор растерянно оглянулся.

– Я – про маты. А ты про что? – Саша усмехнулся.

– А я? Я – тоже про маты, – у Малыгина был совершенно невинный вид, но почти тут же все трое захохотали.

– Ладно, Андрюха, пожалуй, ты прав: пошли поближе, – Виктор поправил майку, – поддержим боевых подруг. По разу пнув маты со всех сторон, молодцы медленно пошли к общему финишу наискосок, как по бульвару. На любом другом стадионе их уже давно остановили бы, и каждый знал, что: **«Ходить по футбольному полю НЕ футболистам запрещается категорически!!!»**. Содержание газона стоило дороже любого покрытия. Но в Малаховке траву на поле не сажали с момента существования стадиона, а в футбол тут играли разве что зимой на снегу, оберегая в другое время года голеностопные суставы от вывихов.

Глава 10

Дачный посёлок, примыкающий к территории института, только просыпался. Всё лето на дачах жили преимущественно хозяева-москвичи, уставшие от ритма и гари столицы. Днём загорали на озере, собирали в лесу ягоды, вечерами гуляли допоздна, утром просыпались нехотя. Частенько устраивали посиделки до утра, и тогда со дворов тянуло шашлыками. Студенты, проживающие на съёмных дачах, в летний сезон вынуждены были перебираться в общежитие и тесниться в комнатах нелегально.

«Общага трещит сейчас по швам, – думал Стальнов, маршируя вдоль институтского забора по Шоссейной улице, самой длинной в посёлке. – Хорошо ещё, что нам повезло: наш хозяин в июле отдыхает в Ялте. А через пару дней я сам уеду. Так что…». Володя поправил сумку на плече и свернул в одну из улочек на противоположной стороне. Пройдя минут пятнадцать среди сосен и елей, густо росших в этой части посёлка, он остановился у ворот. За высоким деревянным забором стоял дом с конусообразной, тёмной от времени крышей, деревянными ставнями, бревенчатыми стенами, проконопаченными паклей. Он был похож на маленькую избушку из сказки и утопал в листве деревьев. Не успел юноша взяться за железное кольцо калитки, как она открылась вовнутрь.

– О! Привет, Витёк, – обрадовался он аспиранту Кранчевскому. Последний раз ребята, проживающие на даче вместе, виделись три дня назад. Виктор пропадал на кафедре, писал кандидатскую диссертацию, Володя после обеда уезжал в Москву на тренировки, откуда возвращался ближе к ночи. В распоряжении легкоатлетов в Малаховке стоял зал штанги, модернизированный ректором – бывшим тяжелоатлетом, и природа. А вот технические тренировки приходилось проводить в столице. Стадион Северного спортивного ядра «Лужников», служивший во время Олимпиады в Москве разминочным полем, был отдан в пользование спортсменам разных обществ. Тренироваться на нём читалось большим везением. Новый тартан, казалось, ещё пах краской. Спортивные секторы и их экипировка выглядели как игрушки. Радовали и новые раздевалки с несколькими душевыми кабинами. В уютном буфете можно было купить закупленные для Игр и за год не распроданные «Кока-колу» и соки марки «Марли», непривычно красочные, незнакомые на вкус. Но самым главным был дух XXII Олимпиады: ещё недавно по этим дорожкам бегали те, кто потом стали чемпионами. Однако и он не помогал двадцатилетнему спринтеру Стальнову «выбежать» из десяти шестидесяти четырёх, времени, по которому на дистанции сто метров присуждался разряд мастера спорта. Неоднократный олимпийский чемпион и рекордсмен СССР Валерий Борзов впервые выиграл чемпионат Европы в возрасте девятнадцати лет, его рекорд на «сотке» в десять секунд и семь сотых казался многим не то что недосягаемым, а даже нереальным. Вопреки бытующему мнению, что залог победы – десять процентов таланта, а остальное – трудолюбие, в спорте без особых физических данных делать было нечего. Успехи чернокожих спортсменов, пластичных, взрывных и неудержимых, рождали мнения о том, что у них другая физиология. И эти домыслы были небезосновательными. Как каждый по-своему переносит боль, так и адаптацию к нагрузкам можно считать сугубо индивидуальной. Кто-то после тренировки был способен петь под душем, а кому-то – хоть вой от усталости. Иные могли вечером пойти на дискотеку, протанцевать до утра, а в семь, не дрогнув ни единой мышцей, выйти на зарядку. С возрастом нагрузки переносились всё хуже и хуже, и четыре часа дороги Стальнова – от Малаховки до «Лужников» и обратно – выматывали его не меньше самой тренировки. Похоже, эта усталость была заметной.

– Здорово, Стан. Ты чего такой пожухший? Никак в Москве ночевал? – спросил Виктор.

– Вот именно: в Москве и никак, – Володя несколько раз дёрнул за железное кольцо калитки.

– У девушки? – аспирант хитро заулыбался. Длинная редкая чёлка сползла на очки. Виктор поправил волосы набок.

– Да нет… Тренировку закончили поздно, пришлось ехать… к товарищу, – Стальнов избегал смотреть Виктору в глаза. Впрочем, врал он только сейчас, потому как на деле часто оставался ночевать в городе у ребят или тренера. Все в группе, кроме него, были москвичами.

– Ну если так, то ладно, – Виктор вышел из калитки, уступая проход. – А я в библиотеку пошёл. Скоро уезжать, а у меня ещё третья глава диссертации не доработана. Ломов недоволен. Сказал до каникул всё сдать.

Василий Николаевич Ломов, декан педагогического факультета и заведующий кафедрой спортивных игр, был научным руководителем Кранчевского. Он же являлся куратором «единички» на курсе Стальнова. В родном Бийске Виктор когда-то играл в гандбол, но, поступив в МОГИФК, спорт забросил. Обязательных практических занятий по разным видам ему спорта хватало.

Поменявшись местами, парни снова пожали друг другу руки.

– Добр*о*. Удачно тебе поработать, – кивнул Стальнов. – Дома кто есть?

– Нет. Юрок ушёл смотреть экзамены абитуры. А Стас три дня как домой уехал.

– Уже?

– Дома ночевать нужно. А то повадились чужие матрасы мять: то ты, то он.

Кранчевский, добродушно усмехнувшись, снова поправил волосы. Стас Добров, ещё один из товарищей, проживающих с ними на даче, мог не появляться в посёлке неделями.

– Завидуешь? – проговорил Володя устало.

– Мне-то что? Развлекайтесь, – Кранчевский безразлично пожал плечами и тут же вспомнил: – Кстати, у нас новость: с сентября надо искать новую дачу.

– С какой радости?

– Хозяйский сын женился, ждёт пополнения, жить негде, – Виктор шарил по карманам широких шорт. Задержавшись на солнце, он сразу стал потеть – очки его сползали по переносице.

– Вот ещё проблема, – Стальнов нахмурился; настроение, и без того не особо радостное, ухудшилось ещё больше. – Так просто новую дачу не найти, – дома на зимний период сдавались задолго до наступления лета, – И куда теперь девать вещи?

Вытирая нос платком, Виктор опять пожал плечами:

– Не знаю. Может, договоримся на чердак забросить?

– На какой чердак? Там пыли по самое не хочу! – От мысли, что на последнем курсе придётся перебираться в общежитие, Стальнову стало и вовсе не по себе. Виктор внимательно посмотрел на него, потом на крышу:

– Не думаю, что чердак пыльный. Дому всего лет сорок. Ветрами продувает. А не хочешь на чердак – сдай в общагу своим из группы.

– Ага! Лучше сразу выбросить, – совсем расстроился Володя. – Я как-то оставил сумку с вещами одногруппникам, так даже плавки мои вытащили и купались в них. А про полотенца и рубахи вообще молчу. И книги потом по всей общаге год собирал. Нет уж! Лучше на чердак!

– Ну, тогда на чердак. И Стаскины тоже собрать придётся, – Виктор смотрел на проблему спокойнее. – Давай! Я пошёл.

– Кто у нас сегодня дежурный по кухне? Я помидорок купил на салат.

– Как помидорок? Тебе же Юрок вчера написал в записке огурцы купить.

– Почему огурцы? – про записку Стальнов вспомнил только сейчас.

– Вечером, на окрошку. Он уже с утреца за квасом и редиской сгонял, а я к частникам за яйцами. – Сунув другу портфель, Виктор расправил платок, протёр лицо, очки и водрузил их

на уже сухой нос. Был аспирант приземистым, с налитыми щеками, широким лицом, маленькими прорезями глаз, толстым носом и редкими, прямыми как солома волосами тёмного цвета. В родне по матери у него числились буряты, их гены перелопатили те, что были у отца, видного польского еврея. Володя, вернув портфель, снова спросил:

– А картошка?

– Картошку мы с ним с вечера не доели – на окрошку хватит.

– Вот блин, придётся опять идти на рынок, – Стальнов нервничал. «Если бы не болтал с бабулей, а пошёл по рядам, топро огурцы точно всплыло бы», – сердился он на себя. – А что мне тогда с помидорами делать? – приподнял Володя огромную сумку, в которую сложил овощи.

– Хи-х, тоже мне проблема! На салат оставим.

Виктор открыл портфель и стал что-то там искать. Володя помолчал, взглянул на дачу – жаль было отсюда съезжать – и проговорил без всякого настроения:

– Ладно. Разберёмся. Ты на обед придешь?

Найдя в портфеле ручку, Виктор обрадовался:

– Думал, забыл. Вчера пришёл в библиотеку без ручки, было дело. Пока нашёл, час потерял. Библиотекарша у нас – сущая бестия. Такая злая, сил нет! Я же видел, что у неё есть запасные ручки, а не дала. Ладно, я понёсся, уже опаздываю. Насчёт обеда – приду вряд ли. Скорее в столовке поем, чтобы время не терять.

– Как знаешь, – кивнул Володя и с шумом захлопнул за собой калитку. С ели во дворе слетела сорока, перепугав парня своим взбалмошным криком. – Фу ты, гадина! – Стальнов кинул ей вслед камешек и для верности похлопал в ладоши, отпугивая. – Прикормил тебя Юрок хлебом, вот ты и повадилась! В пору пугало ставить.

Продолжая ворчать, он свернул с дорожки за угол дома, взошёл на крыльцо, нашёл ключ в тайнике. Непредвиденные обстоятельства отравляли студенту жизнь. А он очень любил, когда всё идёт по плану.

Глава
11

Тофик Мамедович свистнул и одновременно дал отмашку флажком: звуковой старт всегда дублировался зрительным для судей на финише. Сейчас забег принимал один Михайлов. Он отжал секундомер. Чтобы получить пятёрку, требовалось пробежать дистанцию за восемь секунд. Технические возможности секундомера позволяли фиксировать точное время первых двух прибежавших; остальным оно добавлялось «на глазок». Девушки сорвались по свистку. На шестом шаге Николина, лидирующая со старта, шаркнула длинными шипами о битумную дорожку и потеряла не только равновесие, но и ритм. Это позволило Кашиной обогнать соперницу. Цыганок, как спринтер, спокойно ушла вперёд сразу со старта. Маршал шумно пыхтела сзади. Сычёва, пренебрегая командой «внимание», не побежала, а потопала, вбивая кеды в битум и широко расставив локти.

– Это же не регби. Она хоть знает, что бэжать – это впэрёд и па-аднимая ка-алени? – взволнованно спросил Тофик Мамедович у себя. Теперь он лучше понимал слова декана на педсовете. Такие «спортсмены» могли попасть в их институт только по специальному распоряжению. Проблем они не создавали – их либо перетаскивали с курса на курс на «трояках», либо они учились, стараясь не выделяться. Судя по тому, как Сычёва гребла руками и ногами, девушкой она была усердной. – Стопами не хлюпай, – попробовал подсказать Джанкоев.

– Зачем? Она же сказала, что одной грудью побежит, вот – выполняет, – ответил преподавателю Кирьянов. Галицкий по-прежнему стоял в тени берёзы. – Откуда такой экземпляр, Тофик Мамедович? Она за «Урожай» выступает? – Преподаватель молча оглянулся. Мучи-

тельный вопрос застыл в глазах. Толик усмехнулся: – Посмотрите, она будто дыни под мышками держит, как дехканин на бахче.

– Погоди, Кирьянов, не до тебя. Сейчас точно завалится, – шепнул преподаватель, явно страдая: Сычёва мотылялась из стороны в сторону, заступая на соседние дорожки. На любых соревнованиях за такое нарушение судья давно бы уже снял участницу с дистанции. На вступительных экзаменах в Малаховке на подобное закрывали глаза. Иначе снимать пришлось бы многих: покрытие не соответствовало никаким техническим стандартам, даже разметки на нём проглядывались едва-едва.

Джанкоев утёр лоб. Представив, чем грозит провал преподавателю, обеспечивающему экзамен для льготницы, лыжник потерял природную здоровую живость лица и стал восковым. Так называемые «льготные списки» существовали во многих вузах. В физико-математических институтах в них вносились победители разного рода олимпиад, в театральных – потомки знаменитых деятелей искусства. В политехах, строительных, авиационных, автодорожных, куда поступало девяносто процентов ребят, – представительницы слабого пола. И повсеместно – дети или родственники профессорско-преподавательского состава.

– Хоть бы сначала бегать её научили, прежде чем вписывать, – простонал Джанкоев: степень пофигизма абитуриентки вызвала у него нервную икоту. Так бесстрашно могли себя вести только те, у кого прикрытие было абсолютным. Кирьянов выпучил глаза:

– Только не говорите мне, что она тоже была в Вильнюсе!

– Из другого списка, – прошептал Тофик Мамедович и выдохнул, как только абитуриентка финишировала. – Фу, ну слава Аллаху!

Первой в забеге была Цыганок со временем восемь секунд и две десятых. При ручном хронометраже, на битумной дорожке и со старта без колодок Света, кандидат в мастера спорта, радовалась результату, как если бы победила в том самом полуфинале Спартакиады школьников, дальше которого не прошла. Второй, с разницей в пару десятых секунды, прибежала Кашина. Вплотную за ней Николина и ещё через пару секунд Маршал. Сычёва притопала последней и с отрывом в три шага. Кашина, остановившись, жестами показала Николиной, что «выиграла грудь». Чисто спортивный термин употребляли, когда бегун на последних метрах ронял корпус за финишную линию.

– Подточи шипы, подруга, – посоветовала она, указав на длинные «гвозди» соперницы, их обычно подпиливали. Николину пронзил страх: зацепившись шипами, вполне можно было и упасть. «Учту», – пообещала она себе, не глядя на Кашину. Не дождавшись ответа, та пошла, вальяжно покачивая бёдрами, в сторону Михайлова, окружённого абитуриентами. Убедившись, что у неё пятерка, девушка с вызовом спросила: – Это всё, товарищ преподаватель?

Маленький мужчина, совсем ещё молодой, но уже старший преподаватель кафедры, нахмурился:

– Нет. Меня зовут Михаил Михайлович Михайлов. Запомни, абитуриентка Кашина. Пригодится. А пока отдай булавки и сразу иди на высоту.

– Да, с именем ваши родители явно не заморачивались, – заявила Ира с издевательской улыбкой. Отстегнув номер, она хлопком уложила булавки преподавателю на ладонь, свернула ткань трубочкой и, держа её в руке как эстафетную палочку, пошла по виражу стадиона, всё так же призывно виляя – на этот раз всем, чем можно.

– Ну прямо Дом моделей на Кузнецком мосту! – Заносчивость и снобизм соперницы вынудили Николину добавить, что если с родословной повезло, то не значит, что вышел мордой и лапами. На смех ребят и преподавателя Кашина оглянулась как ужаленная:

– Батюшки, какие мы, оказывается, в провинции продвинутые, знаем про Дом моды! Насколько мне известно, в путеводителе для туристов этой достопримечательности нет, – ноздри Кашиной раздулись до максимума, полоска тонких губ почти исчезла. Николина повела плечами. Беспомощная злоба Кашиной только рассмешила ее.

– Боюсь, Кашина, что я тебя растрою: я – местная, как и ты, – ответила Лена, размахивая отстёгнутым номером, как победным флагом. Глядя друг на друга, они даже нахохлились.

– Вряд ли, – не согласилась Кашина, – в сборной Москвы я знаю всех.

– Ну, Москва – не единственный город в стране, если ты не в курсе?

– То-то и видно: прут сюда все кому не лень, из рязаней и казаней.

– Я – из Химок, – уточнила Лена. Некогда обособленный городок стоял теперь на самой окраине столицы. Однако для Кашиной это ничто не меняло.

– А-а, я так и поняла! Химки, голубушка, к твоему сведению – не Москва, а область. Удивительно, что там Зайцева знают.

Сарказм одной пёр в отместку насмешке другой.

– И Зайцева, и Волкова, и даже Орлова, – с готовностью парировала Лена. Во взгляде Иры почувствовалось замешательство:

– Волкова? Это Костю-то? Шестовика? Фи! Я тоже его знаю; мы часто вместе в «Лужниках» тренируемся.

– А-а, я так и поняла: именно вы, именно часто и непременно с Константином Волковым, – ответила Николина. Речь шла о серебряном призёре Олимпиады в Москве. Вот только заявление «мы тренируемся» относительно звезды советского спорта походило на бахвальство. Малыгин, знавший сборную прыгунов совсем не понаслышке, посмотрел на Кашину, морщась. В ответ та повиляла задом ещё несколько метров и снова обернулась, спрашивая с недоумением: – А кто такой Орлов?

Коротко подмигнув Попинко, с которым познакомилась ещё вчера, Лена ответила серьёзно:

– Есть такая знаменитость. Да, Андрей? – высотник радостно кивнул; несмотря на присутствие красавца Малыгина и довольно приятного на вид Поповича, подыграть Николина попросила именно его. А Лена продолжала: – Юноша талантливый, перспективный. Но он – не из Москвы, – сарказм блондинки поняли все, кроме Кашиной.

– Хм. Ну извини: лимита меня не интересует, – Ира продолжила путь к прыжковой яме, заправив номер сзади в трусы, и прикрыв их, как полотенцем. Плотная ткань отстукивала по упругим ягодицам при каждом шаге. Даже спиной Кашина ощущала ненавидящие взгляды иногородних; их-то, приезжающих в столицу на работу или учёбу, чаще всего и звали обидным словом «лимита». Но Кашина, вне всякого сомнения, считала, что её московская прописка оправдывает столь вызывающее поведение.

– Вот ведь скудоумка, – Попинко произнес это так, чтобы его услышали только стоящие рядом. Малыгин и Попович, секунду соображая, одобрительно кивнули, а Николина весело подмигнула:

– Ничего, «лимита», не переживай. Мы ещё и не таких делали. Правда? – Намеренно повторяя мимику соперницы, Николина откровенно насмехалась.

– Это точно, – смущённо улыбнулся Андрей. Губы у него были тонкие, отчего улыбка выходила «худой», как он сам, а лицо выглядело мальчишеским, несмотря на высокий рост. Он вполне мог бы сейчас сказать всем, что он – совсем не «лимита». Но в данной ситуации это могло выглядеть, как очередное бахвальство.

– Красивая, – оценил Попович блондинку из Химок, и, весь передёргиваясь, добавил: – и в Вильнюсе была. Я видел на кафедре списки спартакиадников, – уверил он ребят.

– Да? – почему-то обрадовался Андрей.

– Правда? – Виктор, который в прошедших соревнованиях школьников участвовать не мог по возрасту, ещё раз всмотрелся в уходящую Николину. Теперь его интерес к приятной блондинке был ещё и профессиональным. – А какой у неё разряд? – спросил он. Попович пожал плечами. – Ну ладно, посмотрим, – решил Малыгин и тоже отправился к сектору. Экзамен по прыжкам в высоту начинался через несколько минут.

Глава 12

– Ох, батюшки! Ох, батюшки! Да что же это такое? – дежурная тётя Аня кудахтала перед закрытой дверью душевой комнаты. Вода из-под неё медленно растекалась по холлу первого этажа общежития.

– Давайте зайдём и посмотрим! Наверное, кто-то забыл закрыть кран, – предложил студент с полотенцем на плече.

Душ был общий и один на все четыре этажа. Пользовались им почти круглосуточно, карауля очередь в холле. Так как здание построили в начале столетия, надеяться на современность коммуникаций не приходилось. Никто не знал, что тут находилось до того, как его отдали под общежитие, но фактом являлось то, что не только душ, но и туалеты, по два с тремя отхожими местами в каждом крыле, явно не были рассчитаны на проживающее количество студентов. Борьба за «место» у мойки и в кабинах начиналась с раннего утра и не заканчивалась до позднего вечера. Студенты, успевшие попасть в душ, считали себя счастливчиками, ибо частенько к десяти часам дня в трубах исчезал напор, а с ним и вода. Туалетами, понятно, пользовались и при отсутствии смыва, отчего в общежитии постоянно витал тот особый ядрёный дух, что ни с чем не спутать. К нему присоединялись испарения из столовой, откуда несло то кислым, то пряным, то жареным, то варёным. Тяжёлая смесь всех этих «ароматов» достигала второго этажа, слегка рассеивалась на третьем и почти не чувствовалась на четвёртом.

Сбегав в подсобку, дежурная положила под дверь тряпку, для верности ткнув в нее веник, который подпёрла ведром. Помочь остановить потоп подобное инженерное творение могло вряд ли, но тёте Ане так было спокойнее. Обеспечив себе временную фору, она бросилась вызывать «аварийку». Студент сморщил нос – из-под двери несло плесенью, – почесал грудь и стал прохаживаться по холлу, прислушиваясь. После пятого звонка дежурной по разным инстанциям, куда её направляли по телефону, парню стало ясно, что он зря теряет время.

– В озере помойся, – посоветовала тётя Аня.

– Ага, и побреюсь заодно там же, – съязвил студент, отправляясь обратно на этаж.

Глава 13

– Марш! – прогремел голос Бережного, и шестеро бегунов отправились в путь на полторы тысячи метров. В лёгкой атлетике только финиш был для всех беговых дистанций на одном месте, а вот старты – в разных. Обычно дистанцию в полторы тысячи метров участники начинали с высокого старта и растянувшись по линии на выходе с первого виража. Но сейчас средневиков поставили кучкой, и побежали они тем же скопом. Дистанция составляла триста метров первого, неполного круга и ещё три круга в четыреста метров. Вместе с ребятами экзамен сдавала Лиза Воробьёва, единственная из девушек бегунья на средние дистанции. Толик Кирьянов, нервно приплясывавший у ямы по прыжкам в длину, бросился к Бережному, как только побежали.

– Рудольф Александрович, как он? – вопрос касался Кириллова. Пожилой преподаватель глянул на секундомер в левой руке, потом на другой в правой:

– Пока во времени. На, Толик, держи Толика сам, – протянул он один из хронометров. – Мне нужно вести Воробьёву. Талантливая, скажу тебе, девчонка. К нам в группу возьму, факт. Этим душегубам из «Локомотива» её не отдам. – В Брянске, где жила Лиза, она выступала за это спортивное общество, тогда как все ученики Бережного – за подмосковный «Спартак». С ним у МОГИФКа были не просто хорошие связи. Институт помогал спартаковцам в учёбе, сообщество институту в аренде столичных стадиона «Динамо» летом и манежа имени Братьев Знаменских на Соколе зимой. Толик, близоруко прищурившись, вгляделся в Лизу и согласно кивнул:

– Точно, Саныч! «Спартаку» такие девушки тоже нужны. Думаю, Николай Петрович Старостин со мной согласится?

Бережной, думая о прославленном футболисте, хоккеисте и основателе «Спартака», почесал нос.

– Старостин не Старостин, девушки не девушки, а потренируется у меня полгодика и мастера на «полторахе» точно выполнит. Вот увидишь, – поделился он планами, радуясь показателю секундомера: первые двести метров Кириллов, возглавивший забег, пролетел за тридцать секунд. Вся группа пока держалась рядом. Лиза легко пристроилась около ребят, не выходя вперёд, но и не отставая. Кучка бегунов заканчивала круг и приближалась к ним.

– Давай, Толян, давай! – прокричал Кирьянов другу, уверенно возглавившему забег, и, придерживая очки руками, согласился: – Да, ничего эта ваша Воробьёва! И шаг у неё лёгкий.

– Не рви, Толик, ты – во времени! – добавил Рудольф Александрович, сложив руки рупором. Триста метров Кириллов преодолел за неразумно быстрые пятьдесят секунд. Сколько помнил себя, Бережной тренировал в институте бегунов на средние и дальние дистанции и поэтому сразу мог определить исход бега. Ему стало страшно: Кириллов – любимец, подающий большие надежды, сейчас явно лихачил. «Только бы не обрубился. Только бы не сел и добежал в нужном ритме», – морщил лоб Бережной. Стараясь не выдавать своего волнения, он похвалил Воробьёву: – Хороший у Лизы шаг. И дыхалка что надо, – добавил он, когда спортсмены пробежали около них. – Пошли на приём, – тренер подтолкнул Кирьянова к финишу, где только что завершился второй спринтерский забег девушек на 60 метров.

В начале второго круга в группе бегунов-стайеров произошли изменения: Кириллов переместился на второе место. Следом за ним держалась Воробьёва.

– Зачем он попёр с самого старта? – преподаватель оттянул свисток на шее. В группе поступающих бежали незнакомые ему ребята. Судя по анкетам, которые каждый абитуриент заполнял при подаче документов, среди них были только перворазрядники. Они, если и попали на спартакиаду, дальше начальных забегов там не прошли. Глядя на них, Бережной мысленно

рассуждал, кого бы ещё из поступающих, кроме Лизы, он хотел бы взять в свою группу. «Угомонись, – останавливал он себя каждый год, глядя на перспективную молодёжь, – или реши, что важнее». Совмещать работу руководителя кафедры и тренера можно было только с небольшой группой. Не будучи даже перворазрядником, Бережной стал неплохим тренером. За годы работы у него развилось особое чутьё на таланты. Потому он совершенно не бахвалился, когда только что обещал Кирьянову, что сможет за год подготовить Лизу до уровня мастера спорта. Отечественная школа бегунов на средние и особенно длинные дистанции был достаточно сильной. Начало ей ещё до начала Второй мировой войны положили те самые братья Серафим и Георгий Знаменские, в честь которых был позже назван манеж на Соколе и международные соревнования. За свою недолгую карьеру (восемь лет) братья установили 24 индивидуальных рекорда. Потом была война, после которой спорт в СССР стал медленно возрождаться, а страна активно включилась в мировое спортивное движение: после создания в 1951 году Советского олимпийского комитета нашу сборную впервые допустили в 1952 году на Олимпиаду в Хельсинки. А уже в Риме в 1960 году победителем в беге на десять километров стал Петр Болотников, прославивший страну. Эстафету мужчин-стайеров чуть позже приняли советские бегуньи. Людмила Брагина только на Олимпиаде в Мюнхене в 1972 году трижды била мировой рекорд на «полторашке», улучшая свои же показатели от предварительных забегов к финальному. В Москве прекрасно выступили Татьяна Казанкина и Надежда Олизаренко, обе олимпийские чемпионки. Так что женщины обнадёживали. Но в данный момент речь шла не о них.

– Теперь тяги не хватает, как у Аржанова в семьдесят втором, – проскрипел Бережной; Кириллов, заведясь с парнем, привыкшим бегать дистанции более длинные, допустил промах в расчётах: – Сколько раз говорил я вам, что ускоряться нужно не раньше, чем за двести метров до финиша! – Бережной знал, о чём жалеет: тактические ошибки в бегах не прощались. Прекрасный атлет Евгений Аржанов из-за того, что неправильно рассчитал силы лишился в Мюнхене золотой медали в финале на восемьсот метров. Бережной тяжело выдохнул. – Голова садовая наш Толян! Сам спечётся, и Лизу своим темпом загонит. О, смотри, опять их обогнали! Т-о-олик, держись! Ли-иза, не отрывайся! – Рудольф Александрович кричал, отсылая слова поддержки по диагонали, на вираж двухсот метров.

– Думаете, сдох? – на напряженном лице Кирьянова болью пронизывало каждую мышцу.

– Ещё шестьсот метров бежать. Посмотрим. Может, взял паузу, – произнёс Бережной, уже слабо веря в чудо. Когда ещё через полминуты спортсмены подбежали к финишу, и Рудольф Александрович прокричал, что остался последний круг, Кириллов был ближе к замыкающим. Для Лизы, преследовавшей его, даже последний результат в мужском забеге являлся гарантией хорошей оценки. А вот для юноши… Кирьянов вцепился руками в голову:

– Да, сдох Толик! Сел на задники. Еле ногами двигает. Зачем он так шуранул с самого начала? Это же не восьмисотка! Как там по времени, Рудольф Александрович? – старшекурсник стонал, встряхивая хронометр в своих руках, будто не веря его показателям. Бережной сжал губы, лицо было суровым.

– Пока на четвёрку.

– М-да. А надо бы на пятёрку. Всё-таки – спецуха. Давай, Толян, потерпи! Последний круг пошёл! – крикнул он вслед.

– Да я как могу, Саныч! – ответил спортсмен на бегу. Он был в таком состоянии, что принял голос друга за тренерский.

– Не болтай, Толян! Дыхалку береги, – посоветовал Кирьянов и с секундомером пробежал стометровый вираж по кромке, затем, пока спортсмены бежали последние триста метров, ещё дважды возвращался к финишу и убегал от него. Лицо Толика-старшего было красным. Пот катился градом, волосы вздыбились. Очки то и дело сползали на нос. – Зачем кандидатам в мастера спорта, к тому же спартакиадникам, вообще сдавать спецуху? – крикнул он в сердцах, заметив, что Кириллов сместился на пятую позицию. – У них квалификация в Вильнюсе

была по кэмээснику, а тут на пятёрку надо всего-то по первому разряду пробежать! Могли бы автоматом зачесть.

– Да не бойся, пройдёт он. Даже с тройкой пройдёт. Он же в списке, – тихо заверил Бережной.

– Да какая фиг разница, в списке-не в списке! Чего людей мучить? Перегорел Толян, что говорить. Утром на пробежке был в норме, а потом в столовке начал паниковать, отказался завтракать, только чаю выпил.

– Это он зря. Надо было съесть бутерброд с маслом и вареньем. Или булку, – Бережной рассуждал сухо, но профессионально.

– Нет, ну зачем их мучить?

– Положено так.

– Да уж, у нас что законом положено, то никак уже не поставить, – пробубнил Кирьянов.

– Зато посадить можно запросто, – добавил преподаватель, прибивая Кирьянова к месту тяжелым взглядом. Уголовная ответственность за критику линии правящей партии до 1947 года была расстрельной. Бережной, с «антисоветскими шпионами и предателями Родины» в семье, хранил об этом генную память.

– Молчу, – коротко прошептал старшекурсник и отвёл взгляд. Но скорбным он оставался недолго: заметив, что «тяга» закончилась не только у друга, радостно толкнул Бережного в плечо: – Саныч, гляди, гляди, кажется, головные тоже сдыхают! Сели. Сели! Ползут. Даваааай, Толя-я-я-ян! Накати-и-и!

– Ничто так не радует, как неудача товарища, – прокомментировал Савченко, наблюдающий за забегом тут же, около финиша.

– Накати, Толян! – басом крикнул Галицкий из-под берёзы. – И девушку подтащи!

– Давай, Толян, давай! – Савченко всё же поддержал общий крик; не из симпатии к бегунам, а скорее из солидарности к болельщикам. Просто сстоять и смотреть было скучно.

– Таля-я-й дава-а-н! – пропищал кто-то над ухом Кирьянова. Толик оглянулся и нахмурился, но, увидев энергичную улыбку и взмахи рук незнакомого пацанёнка, ничего спрашивать не стал. Рыжий кричал теперь, как и все:

– Дава-ай! Дава-ай!

«Послышалось, похоже», – Кирьянов засунул палец в ухо, потряс им и вновь окунулся в атмосферу забега. Ажиотаж зрителей, толпящихся на финише, передался всему стадиону, и теперь уже из разных секторов понеслись одиночные и групповые крики:

– Поднажми!

– Немного осталось!

– Ату его!

– Накати-и!!!

Шумкин, красный от жары и возбуждённый зрелищем, молчал, то и дело взмахивая среди толпы руками. «Давай, давай, немного осталось!» – обращался он к Лизе, переживая до сжатых кулаков. Миша знал, как на последних метрах «полторашки» ноги обрубает так, что хочется упасть и никогда больше не выходить на старт. Услышав общий гул, Кириллов предпринял на последней стометровке решающий рывок, обошёл четвёртого бегуна и достал первую тройку. Так, кучкой из четырёх лидеров, ребята и закончили дистанцию. Лиза пришла последней, заметно отстав за двести метров до финиша.

– У Толика твёрдая четвёрка, – гордо объявил Рудольф Александрович.

– Лучше бы шаткая, но пятёрка, как у Лизы. Она почти по кандидату пробежала. Молодец девчонка! – Кирьянов потёр секундомер о карман шорт. Он дышал так, словно только что бежал сам. – Ладно, сгоняю в столовку, выпрошу для них молока, кислоту «забелить». – Среди средневиков ходило поверье, что молоко помогает быстрее нейтрализовать молочную кислоту, активно вырабатывающуюся в мышцах после продолжительных нагрузок. Девушку Кирьянов

мысленно уже считал за члена их группы. Заметив в глазах тренера одобрение, граничащее с любопытством, если не сказать хитрецой, Толик-старший буркнул, отводя внимание от себя: – Ноги после этого битума как култышки будут. Нашли, где экзамены принимать!

– А где ты хочешь, чтобы мы их принимали? – удивился такому заявлению Бережной, оглядывая стадион; общая картина казалась идиллической: солнце, зелень, тень деревьев и стадион – уютный, хотя, безусловно, недостаточно ухоженный. – Не на берегу же озера? И вообще, у нас в институте, скажу тебе, спорткомплекс – ещё не катастрофа. У многих даже государственных институтов стадиона вовсе нет, а у других его найти можно только по техническому плану.

– Да, завидовать нечему. Держите, – Кирьянов отдал преподавателю секундомер. – Я скажу Толяну, что вечером тренировки не будет?

Бережной махнул рукой:

– Какая уж тренировка? У них с Лизой завтра ещё гимнастика и плаванье. Пусть приходят в себя. Особенно Толик.

Тренер и друг с жалостью посмотрели на Кириллова. Он медленно и одиноко трусил по стадиону, восстанавливая дыхание после забега. Экзамен по специализации он «запорол». Пропустив Воробьёву, он семенил за ней, жалея в этот момент, что он – не женщина.

Глава 14

Стальнов, досадуя, развернулся от ворот базара: знакомая бабуля со своего места уже ушла. После десяти утра рынок пустел – поднималась жара, а ближе к вечеру снова заполнялся: везли зелень и овощи, только что снятые с грядок, для тех, кто возвращался из Москвы с работы. Торговля шла до самого закрытия – десяти часов вечера. Стальнов шатался вдоль опустевших рядов, без интереса оглядывая продавцов и их товар. Огурцы можно было купить за такую же цену и в магазине, но, заглянув туда и увидев пожелтевшие колхозные «фугаски» вместо зелёных в пупырышек огурчиков частников, студент, не рассуждая, пошёл на базар. Он купил огурцы, попробовав их не менее чем у десяти оставшихся продавцов, и вдруг вспомнил, о чём хотел посоветоваться со знакомой бабушкой, торгующей у дальних ворот, – на днях по телевизору Юлия Белянчикова уверяла, что помидорная мякоть может снимать гематомы. Синяков и ссадин на теле спринтера хватало. А после вчерашней тренировки с барьерами ныли не только ушибленные колени и содранные надкостницы, болели даже тазобедренные суставы. «Пора завязывать, – решил он. – Вот закончу сезон, и к лешему эту лёгкую атлетику, пока не послали в Тмутаракань». От мысли о возможности попасть по двухгодичному распределению куда-то «глубже», чем его родной город Кимры, его коробило. Но в Москве оставляли только «по семейным обстоятельствам». Для этого нужно было жениться на москвичке. Поступив в МОГИФК, первые два курса юноша, как большинство ребят, наслаждался студенческой жизнью, а с ней и полной свободой связей. Никакая политическая идеология не могла остановить стремление молодых людей познать и прочувствовать те законы природы, что лежали в основе появления каждого. Кто-то, посмелее и наглее, гулял откровенно, не стесняясь менять партнёров, кто-то делал это тайно, но в фантазии себе не отказывая, кому-то мешали отеческие запреты, но, видимо, недостаточно сильно. Чувства для совокупления казались тоже необходимыми. Плотская страсть без них звали развратом. Впрочем, и он в стране тоже был.

Определив за три года, что по поведению он скорее хищник, чем примат, что верность женщины для него условие обязательное, а домашний уют важнее гибельной страсти, Володя стал придерживаться иных отношений. Впереди оставался последний, четвёртый курс. Недавняя знакомая Кристина, «столичный житель в третьем поколении и из порядочной семьи» жила по соседству с невестой Кранчевского.Такое представление, похожее на зачитывание родословной на выставке собак, никак не перевешивало коротких толстеньких ножек откровенно некрасивой брюнетки.

Думая о своём пока не устроенном будущем, Стальнов вернулся с рынка на дачу. Он замочил огурцы в холодной воде, чтобы к вечеру не скукожились от жары, и решил поспать – до обеда оставалось ещё два часа. Накануне, вернувшись с Кристиной за полночь с выставки художников-кубистов, ему пришлось остаться ночевать у новой знакомой в Москве: электрички уже не ходили. С согласия родителей, девушка постелила ухажёру в столовой. Ворочаясь до утра на пухлом пружинистом диване, Володя мысленно сетовал, что потерял в своей жизни не только вечер, так и не сумев проникнуться идеями художников клуба Пикассо, но и ночь.

С блаженством растянувшись на твёрдом дачном матрасе и укутавшись в простыню, Стальнов какое-то время упоённо слушал пение птиц за открытым окном, пока не погрузился в глубокий, восстанавливающий сон.

Глава 15

В секторе по прыжкам планку только что установили на высоте метр шестьдесят. Изначально на этот экзамен в группе один-один заявились шестнадцать участниц. Но легкоатлеток из них было четверо, а прыгуний в высоту и вовсе две – Кашина и Николина. Представительницы других видов спорта перепрыгивали планку кто «ножницами», кто, поджав сразу обе ноги, как в прыжках в длину, а одна – даже проныривая рыбкой. Любой способ засчитывался, если планка не падала. На высоте один метр сорок пять сантиметров сектор остался во владении легкоатлеток. Лиза, едва живая после забега, взяла эту высоту и добровольно отказалась от дальнейших прыжков. Света Цыганок, ловко преодолевшая метр пятьдесят, на следующей высоте на первой же попытке врезалась в планку.

– Тоже мне карикатура, – прошипела Кашина, – быстрее бы уже закончила, чтобы мне тут не остывать.

При жаре под тридцать градусов остыть было трудно, но Ира вела себя, как именитые высотники: после каждой удачной попытки натягивала свое кричащее трико, олимпийку и расшнуровывала шиповки. Николина, начав соревнование с высоты метр пятьдесят, прыгала сразу за Светой.

– Ну и карга-а-а, – тихо прокомментировала она слова Иры, готовясь к прыжку. Цыганок, тоже тихо, ответила:

– Та не обращай внимание, Ленуся! Таких краль видали мы по самое не хочу. Ты давай, накати её, шоб не выпендривалась.

– Попробую, – Николина отбила Свете по ладони. Девушки были знакомы с четырнадцати лет – впервые встретились на Юношеском чемпионате страны в Тарту и стали переписываться, как тогда переписывались все. А месяц назад, узнав друг друга в Вильнюсе, обрадовались, даже не предполагая, что совсем скоро увидятся снова. Когда вчера Цыганок наткнулась на Николину у доски с расписанием экзаменов, из приёмной выскочил перепуганный Костин: самая совершенная пожарная сигнализация была слабее восторженного писка евпаторийской бегуньи. А когда Света увидела в общежитии и Лизу Воробьёву, то, как призналась сама, «выпала в осадок». Три абитуриентки подружились, как это бывает только в молодости – сразу и на всю жизнь.

Высоту в метр пятьдесят пять Николина взяла легко. Света неудачно использовала оставшиеся две попытки, но не расстроилась. Преодолённые метр сорок пять обеспечили четвёрку. Зная, что за спринт у неё пять, а впереди ещё гимнастика и плавание, за которые ей можно не волноваться, Цыганок ушла из сектора под деревья. Вокруг Галицкого и Савченко сидели студенты и те из абитуриентов, кто должны были держать экзамен вслед за девушками. Подальше вразброс стояли родители и преподаватели. Были на стадионе и просто зеваки, завернувшие сюда на шум.

– Да уж, эта с косой глотку кому хошь перегрызёт, – сказал Гена, подсаживаясь к Цыганок поближе. – Как она тебя подковырнула, да?

– Идиотка, – характеристика Светы была краткой.

– Норовистая, – выразил Гена свое мнение о Кашиной.

– Гоношистая, – поправил Виктор Малыгин. – Корчит из себя много. Глотку драть – много таланта не надо.

– Во, Витюша! Правильно говоришь. А то – «норовистая, норовистая»! Почему это, Гена, она для тебя норовистая? – Света сразу выделила из всех этого длинноносого чубастика с хитрым взглядом и характерным для украинцев говором. Волейболист поплыл от листьев деревьев, качающихся в девичьих глазах.

– Та почему, почему? Потомуша.

– Потомуша, потомуша, – задумчиво пропела Цыганок. – Эх, попить бы. Жарень такая, – она потянулась.

Гена невольно сглотнул слюну, вытянул шею и указал взглядом вдаль:

– Это надо в общагу идти. Или на кафедру лыжного спорта – она ближе всех.

– Держи, Света! – протянул бутылку Попинко. В его огромной спортивной сумке мог бы поместиться целый буфет. Сидящие посмотрели на бутылку с завистью.

– О, спасибо, дружище, спасаешь, – Света взяла «Боржоми». – А стаканчик?

– Нет у меня стаканчика, – сказал юноша, проверив. – Это мама мне котомку в дорогу собирала, – кивнул он на огромную сумку и засмеялся. На котомку она похожа никак не была.

– Мама? Это хорошо. Отличная, значит, мама! Ладно, Андрюша, я аккуратно попью. – Девушка зубами стянула пластиковую пробку, какой бутылку закупорили после того, как освободили от железной, и налила себе в рот воды, не прислоняя край бутылки к губам. – Гигиена – превыше всего. Держи, тебе ещё прыгать. Спасибо! – сладостное для любого украинца фрикативное «гх», с придыханием, прозвучало мягко и уютно. Савченко улыбнулся, снова сглотнул слюну и проводил «Боржоми» взглядом до сумки.

– Сходи на кафедру лыжного спорта, – тут же посоветовал Малыгин.

Гена молча кивнул.

В это время Михайлов и студент, помогавший судить, подняли планку на высоту метр шестьдесят. При личных рекордах за метр семьдесят подобная высота должна была казаться высотницам плёвой. Но, учитывая качества сектора для прыжков – резины не было и здесь, – а также стресс, обе заметно посерьёзнели. Николина заново промеряла стопами разбег на дуге, впритык приставляя пятки к носкам. Ей никак не удавалось приспособиться к битуму. Даже отечественная резина, которую считали твёрдой, казалась в сравнении с ним ватой. Прыжковая шиповка на правой, толчковой ноге – фирменная, дорогая, с короткими гвоздями на пятке – скользила по покрытию, тогда как беговая на левой маховой по-прежнему вязла. Добавив еще один шаг, Лена сделала прикидку: пробежала по разбегу и оттолкнулась, чтобы определить дистанцию до планки. Попинко показал ей место предполагаемого отталкивания. Помочь сверить разбег в секторах являлось святым. Убедившись, что всё сходится как нужно, Николина пошла к лавочке с вещами, чтобы взять мелок и нарисовать новую отметку начала разбега. Кашина, наблюдавшая за действиями соперницы, наступила на меловую палочку именно в тот момент, когда Лена нагнулась за нею.

– Ой, извини, не заметила, – недобрая улыбка промелькнула на лице Иры.

– Во гадина! – Цыганок вскочила с травы. Так как правила соревнований запрещали появление на секторе посторонних, она закричала издалека: – Ты шо делаешь?

– Я не заметила этот мел, – обернулась Кашина на оклик. – И вообще: не надо разбрасывать свои вещи где попало. Здесь сектор, а не квартира в Химках, – улыбка, опять с издёвкой, вернулась на лицо московской гордячки. Мотнув косой, она пошла на исходную позицию. Лена хмыкнула и покачала головой:

– Ладно, Кашина, с тобой всё ясно.

– Что тебе ясно? – глаза Иры загорелись яростью. Похоже, скандалить ей было не привыкать.

– Ничего. Ясно, что у тебя толчковая лева-я-я, а моя толчковая – пра-а-ва-а-я, – ответила Николина. Фраза из песни Владимира Высоцкого была как никогда к месту: девушки действительно прыгали с разных сторон. С травы приветственно свистнули.

– Молодец, Ленуська! Бей гадов! – Цыганок, подпрыгивая, вошла в раж и запела так, что проснулись нутрии в норах у озера: «Физкульт-ура! Физкульт-ура-ура-ура, будь готов! Когда настанет час бить врагов, от всех границ ты их отбивай! Левый край! Правый край! Не зевай!».

Лиза от неожиданности поперхнулась молоком. Шумкин сморщился, глядя на Свету, и, постукивая Воробьёвой по спине, проворчал:

– Во даёт! Радио не надо.

Михайлов, в роли судьи, шикнул:

– Эй, галёрка, а ну цыц! Кашина прыгает, Николина готовится, – голос преподавателя прозвучал строго и официально.

– Нашла время песни петь, – огрызнулась Кашина, дойдя до начала разбега.

– А как же Лене теперь обойтись без мелка? – переживая, Андрей стал рыться в сумке – так, на всякий случай. Он знал, что ничего подходящего для разметки у него нет.

– Сейчас устроим, – Галицкий поднялся с травы и подошёл к лавке. – Держи, Лена. Это, конечно, не мел, но, если оторвать кусочек, то можно попробовать приклеить к битуму. – Юра протянул лейкопластырь. Николина встала. Взяв белый рулончик, руку отнять она не торопилась.

– Будем дружить, – улыбнулась девушка. Сказано это было с такой откровенной признательностью, что вызвало у десятиборца сухость во рту.

– Будем, – залился он краской.

– О, народ, чую, из этого что-то может набухнуть, – Савченко многозначительно закатил глаза.

– Закройся, Хохол! – тут же отреагировал Малыгин, настолько грубо и властно, что Гена вытаращился: когда это было, чтобы абитура поднимала голос на третьекурсников? Но момент для схватки был неподходящий. Да и Виктор не дал ответить, произнёс с сожалением: – Был бы у меня пластырь, я бы тоже дал.

– И я бы дал, – кивнул с готовностью Попинко, отставляя в сторону раскрытую сумку. – Хорошая она, Николина, да, Витя? И с душой нараспашку.

– Не то слово! Наш человек, – заверил Малыгин, снова мысленно улыбнувшись очередному выражению Попинко. В нём самом было что-то романтичное, есенинское, и стихи Малыгин любил, хотя не мог запомнить ни строчки.

Тем временем Ира спокойно перепрыгнула установленную высоту, а Лена прикрепила пластырь к новой отметке.

– Прыгает Николина! – объявил Михайлов, тоже заинтересованный интригой, возникшей в секторе. – Ну, не подведи, подруга! – улыбнулся он Николиной, проходившей мимо на исходную позицию.

– Не подруг***и***, подв***у***га, – повторил в тени берёзы рыжеволосый парнишка в очках. Кирьянов, сидевший рядом с Кирилловым, резко оглянулся.

– Ты что сказал, рыжик? – переспросил Толик-старший, начиная подозревать у себя хронические слуховые галлюцинации.

– Я сказал? – малыш в очках удивился.

– Ты. Не я же, – Кирьянов для верности потряс пальцем в ухе, словно там была вода. – Ты что только что сказал?

Миша Ячек привык, что его часто не понимают. Улыбаясь, он стал объяснять, но снова переставил буквы:

– Сказал, чтобы она выгнула попрыше.

– Чего-о?

Теперь к рыжеволосому повернулись все.

– Ну, то есть прыг-ну-ла по-вы-ше, – рыжий, стараясь, проговорил фразу по слогам. – Я – дислексик. Есть такое заболевание. Иногда путаю буквы и даже слоги, – лицо парнишки пошло пятнами.

– А-а, понятно, – сказал Кирьянов, хотя понятно ему было только то, что его здоровье вне опасности. – А как тебя зовут? На всякий случай. – Он подумал, что наверняка такие

«способности» абитуриента могут пригодиться для реприз в КВНе. В институте эту игру организовывали каждый год между спортивным и педагогическим факультетами.

– Я – Миша Ячек, – ответил рыжик понуро, подождал немного и добавил: – Можно просто Миша, можно Мячек. То есть Ячек. Простите. – Он ещё больше замялся, услышав новый взрыв смеха.

– Мячик так Мячик, – загоготал и Гена, сидящий рядом, – а ты из каких краёв? Мы вон с Юрком хохлы: я с Севастополя, он с Киева.

– Нет, я – п***о***ляк.

– П***о***ляк? Даже так? Не пол***я***к? – Савченко не верил.

Ячек не переставал смущаться от общего внимания:

– Так у нас гор***о***вят, – объяснил он.

– Чего? Ты откуда, парень? – Галицкого, задумчивого и тихого после знакомства с высотницей, «расклинило». Ячек ответил гордо:

– Я из Гомеля. Беролуссия. Слыд***а***л, пох***и***?

Галицкий и Кирьянов переглянулись, подмигивая. Юра, постоянный автор сценариев и монологов для КВНа, тоже оценил способности Миши. Надо же, как просто – переставляй в словах буквы и слоги, и одним только этим заставляй народ хохотать.

– Это ты щас как бульбаш говоришь или как п***о***ляк? – уточнил Гена.

Ячек уверенно кивнул:

– Это я как русский.

– Да?! – волейболист напряг лоб.

– В переводе это «слыхал, поди?» – помог Галицкий. – Да, нелегко тебе, – посочувствовал он Ячеку.

– Не, ле мегко, – Миша переводил взгляд с волейболиста на десятиборца, – с детства ныло всё бормально, а в школе началось. И цирфы, и буквы пистал сать назинанку. – Он говорил грустным тоном, а народ вокруг него стонал от смеха, расшифровывая лишь половину из сказанного и сразу переводя оговорки в афоризмы.

– Ой, не могу: пистал сать – это же самому можно обосса…, – от взглядов ребят Гена осёкся на полуслове и прикрыл рот ладонью. Извиняясь, он смеялся, не сдерживаясь. – Простите, девочки. Но ты, Юрок, сам видишь – не болезнь, а ржачка одна. Слышь, Мячик, ты на какую кафедру поступаешь?

– Акробастики и гимнатики. Гурпа оди-нодин, – совсем смущённый, гимнаст старался говорить серьёзно, но шквал ржания обрушивался на него, сбивая с толку. Народ на траве лежал в коликах.

– Ой, не могу! Это же просто находка, а не пацан! Как ты сказал: акронастики и гимнобатики? – Гена хохотал громче всех. – Ну всё, старики. Раз он – наш, фора в КВНе перед «педагогами» нам теперь обеспечена. – Савченко любил конкурсы юмора и смеха, хотя участвовать в них ленился. Игра ведь – дело серьёзное, её просто так не бросишь, а делать что-то постоянно казалось Гене скучным. Николина, расслышавшая издалека последние слова Ячека, тоже засмеялась. Даже кукса Кашина улыбалась. Впрочем, этой на руку было, что соперница не может настроиться.

– Э, э, народ, а ну успокоились! – Михайлов, сам посмеиваясь, попытался навести в секторе порядок. – А ты, Мячик, или как там тебя, лучше пока помолчи. А то и вправду цирк получается вместо экзамена по спецухе. Николина, готова?

Лена кивнула.

– Давай! – Михайлов отошёл к столику с протоколом соревнований и взял в руки два флажка: белый и красный. Лена медленно начала разбег. Из-за шипов разной длины разбег вышел рваным, быстрым, и планка, при выходе с дуги, оказалась совсем близко. Резко укоротив предпоследний шаг, Николина сильно напрыгнула на толчковую ногу и пружиной взле-

тела над ямой. Прыгунью с силой выбросило наверх, и, чтобы не завалиться, ей не оставалось ничего другого, как сгруппироваться и завершить прыжок не классическим «фосбери-флоп», а новичковым «горшком». Но высота была взята, а прыжок, даже такой корявый, вызвал аплодисменты зрителей.

– Засчитано! – Белый флажок в руках Михайлова взмыл вверх. Но не прошло и трёх секунд, как планка повернулась и упала.

– Нечестно, – тут же закричала Кашина, – высота не взята! – Ира быстрым шагом прошла на сектор. – Не считается, – повторила она, глядя на Михайлова суженными глазами и поднимая планку. Обычная дюралевая труба, отпиленная и слегка приплюснутая с концов, была круглой в сечении, лёгкой и явно неприспособленной для отметки высоты. Чтобы она не вращалась на стойках, в её полые концы вставили деревянные чопики. Михайлов забрал у Иры планку и указал на лавку.

– Первая дорожка, идите на своё место. – он, похоже, нарочно так назвал абитуриентку. В спорте солидарность и участливость считали за норму. Эта самая планка вполне могла вот так же упасть и после прыжка самой Кашиной; лёгкая трубка качалась между стойками даже без всякого шевеления воздуха или матрасов.

– Вы подыгрываете Николиной, – Кашина требовала от преподавателя признать поражение соперницы, – я сообщу об этом заведующему кафедрой.

– Что-о? – взорвался Кирьянов. – Ну уж нет, тут ты, подруга, пролетаешь! Мы все свидетели того, что планка упала уже после того, как судья зафиксировал взятие высоты. Да, Хал Халыч?

Михайлов серьёзно кивнул головой, ещё раз указал Кашиной на лавку и объявил:

– Попытка Николиной засчитана. Это я нечаянно толкнул мат ногой. Так что, первая дорожка, вы зря тут угрожаете. – Невысокий преподаватель спокойно выдержал недружелюбный взгляд и сопение разочарованной Кашиной. Когда Ира пошла к лавке, Михайлов объявил: – Следующая высота – метр шестьдесят пять.

Глава 16

Наталья Сергеевна Горобова, декан спортивного факультета МОГИФКа, сидела за столом своего кабинета на втором этаже левого крыла, над деканатом, сжимая пальцами виски. Резкое повышение температуры воздуха и атмосферного давления всегда вызывали у неё мигрень. Сейчас боль уже тупо упиралась в надбровные дуги, угрожая занять собою всё левую сторону головы как минимум на сутки. Наталья Сергеевна вытащила из сумки упаковку цитрамона. Она настолько привыкла ко вкусу этого лекарства, что разжевала его, не запивая. Горечь анальгетика сменилась кислинкой. Наталья Сергеевна повернула вентилятор к себе.

– Боже, скорее бы гроза! – женщина посмотрела за окно на крону пышной рябины. Грозой и не пахло, по небу плыли редкие клочья облаков. Беспомощно взглянув на кипу бумаг на столе – в основном заявлений от абитуриентов, упрашивающих «принять документы, несмотря на…», Наталья Сергеевна откатилась на стуле от стола и встала. Чтобы боль прошла, ей надо было пройтись. К тому же декан собиралась посмотреть, как идёт на стадионе вступительный экзамен по лёгкой атлетике для группы один-один.

Коридор второго этажа пустовал. Администрация института, закончив приём документов, на две недели рассосалась в неофициальный отпуск. Медленно пройдясь по этажу, декан подошла к лестнице. С первого этажа доносились редкие приглушённые голоса. «Интересно, а куда это подевалась приёмная комиссия?» – она посмотрела на часы на руке; была половина двенадцатого. – Неужели уже управились со всеми опоздавшими?» Женщина резко выдохнула и потянула руки вперёд, стараясь взбодриться. Хрустнув позвоночником, она прогнула поясницу. Тело просило гимнастики. Привычная к ежедневным упражнениям, в последнее время декан заменила их на пробежки по берегу озера, столь живописному в это время года. Но, видимо, организму хотелось другого. «Пора возвращаться на ковёр и к эспандеру», – решила женщина, уже спускаясь по лестнице.

В приёмной сидели только девушки. Валентин испарился.

– Где комсорг? – спросила Наталья Сергеевна. Волейболистка Катя Глушко, втянув голову, промычала что-то невнятное. Маленькая прыгунья в длину Рита Чернухина закрутила белокурой головкой и защебетала, выдумывая на ходу что-то про столовую, голодных мужчин и про то, как трудно с ними ладить, если они не пообедают вовремя.

– Вы ведь сами знаете, Наталья Сергеевна! – закончила Чернухина, глядя в глаза декану невинным взглядом. «Вот артистка! Во МХАТ ходить не надо», – усмехнулась Горобова про себя, но выражение ее лица осталось непроницаемым.

– Про то, что знаю я, тебе, Чернухина, ведать не положено. Лучше доложи мне, что с приёмом личных дел? Вы разве уже всё закончили? – Хотя вопрос был задан только одной студентке, обе девушки усиленно закивали и задакали. – Ну-ну, – снова не поверила декан. – И всех сумели принять? Или только группу один-один? Я же видела тут утром толпу. Своими глазами видела! – Рита и Катя растерянно заморгали, продолжая оправдываться. – Хм, ну ладно. Всё равно оставайтесь здесь целый день. Никаких выдумок по поводу погоды или больных животов не приму. Знаю я вас: чуть что – махнёте загорать на озеро. А у нас потом недобор окажется. Костину, когда появится, тоже это передайте. – Про недобор декан явно придумала – на протяжении тех семи лет, что она заведовала спортивным факультетом, список желающих поступить в МОГИФК многократно превышал возможности института. Но чем-то же нужно было устрашить студенток? Просмотрев, для виду, несколько папок с личными делами абитуриентов, Горобова строго указала Рите на ногти: – Сегодня же, Чернухина, приведи руки в порядок! А ещё студентка «единички»! На вас молодые ориентируются, а ты, вся такая разукрашенная, сидишь в приёмной комиссии, как в диско-баре.

Рита испуганно спрятала разноцветные ноги под стол и кивнула:

– Да, конечно. Просто… ведь лето. Я думала, можно.

– Думать нужно лучше! Если есть чем. – Наталья Сергеевна умела быть несгибаемой начальницей и врединой. Именно это она прочла в глазах обеих студенток. «Представляю, как они меня сейчас ненавидят. А за что? Порядок должен быть во всём. Иначе завтра все придут сюда в рваных джинсах и цепях, как панки». Про субкультуру Наталья Сергеевна слышала недавно по телевизору и видом её представителей была искренне поражена. Как педагог высшего ранга, она была обязана предупреждать в институте всякого рода отклонения от принятых норм, в том числе и норм внешнего вида. В этой связи декану не раз приходилось отчитывать бесшабашных девиц, позволявших себе слишком откровенные наряды, взбитые клоками прически «бабетты» или неумеренный макияж. К ребятам претензии были в основном из-за выбритых висков, высоких сапог грубой кожи или украшений всякого рода: браслетов, колечек, фенечек. Рядовая выволочка нерадивых проходила исключительно в личном кабинете Горобовой и заканчивалась примерно одними и теми же словами: «Очнись, комсомолец! С таким подходом к собственной личности ты всю советскую культуру профукаешь. А там что? Любовь вместо войны? Татуировки? Наркотики? Свобода во всём? Стыдно!». Опозоренные недостатком комсомольской сознательности, пристыженные напоминанием о погибших на войне дедах и отцах, студенты покидали кабинет декана с одним только желанием: никогда больше не выделяться из общей массы. Это тоже входило в приёмы воспитания молодёжи. «Нам не должно быть всё равно, как ведут себя наши дети. С безразличия начинается хаос», – не раз успокаивала себя Наталья Сергеевна после таких разговоров, сожалея об излишней строгости. Но школа советской морали поблажек не терпела.

Ещё раз сфокусировав взгляд на девушках и не найдя больше к чему придраться, Наталья Сергеевна поправила блузку, заправленную в удлинённые шорты-юбку, и выдохнула:

– Ладно, пойду посмотрю на «единичку».

Декан вышла в коридор и, спустя несколько шагов, остановилась напротив стены с анатомическими экспонатами. Рассматривая их словно впервые, она думала о чём-то, явно не связанным с анатомией. Из дверей кафедры анатомии вышел преподаватель Лысков. Студенты любили тридцати четырёхлетнего Павла Константиновича за снисхождение к ним. Вернее, не к ним самим, а к их знаниям по анатомии. В выемках черепа и функциях вегетативной нервной системы пробуксовывали порой и студенты-медики, а тут – институт физкультуры! Поэтому, втайне от других преподавателей кафедры, и особенно профессора Удалова, Палстиныч щедро раздавал трояки любому, согласному хоть как-то подружиться с анатомией. А уж получить у него зачёт для допуска на первую сессию считалось приятной новогодней традицией.

Громко поздоровавшись первым, мужчина остановился.

– Нравятся? – спросил он, указав на пособия. Лысков был уверен, что ответ декана, которую боялись не только студенты, но и преподаватели, будет утвердительным. Вместо этого прозвучал сухой вопрос:

– Павел Константинович, как вы считаете, как долго на этой стене могут висеть эти макеты?

– А-а? – анатом напрягся; строгий вид начальницы хорошего не предвещал.

– Товарищ Лысков, вот этот аппендицит, – Горобова ткнула пальцем в сторону стены, – я вижу здесь уже как минимум пять лет.

– Это не аппендицит, Наталья Сергеевна, это желудок, – мужчина попытался улыбнуться. Женщина полосонула по нему взглядом, исключающим любое снисхождение. Лыскову стало понятно, что спорить сейчас с начальницей не стоит. Горобова втянула щёки и сказала ещё жёстче:

– Да будь это хоть среднее ухо, товарищ Лысков! Вопрос не в этом. Будьте любезны, потрудитесь к новому учебному году хоть как-то обновить стенд. Это же лицо вашей

кафедры, – декан постучала по макету брюшного пресса, – ваш престиж, – указала на плакат с изображением спинного мозга, – ваши перспективы увлечь студентов преподаваемым предметом! – широко размахивая руками, она прислонилась спиной к плакату со схемой мочеполовой системы. Лысков хмыкнул, потёр переносицу. Поймав его смущённо-опущенный взгляд, Наталья Сергеевна обернулась и уткнулась, что называется, носом в «самое святое» из изображённого. Резко отшатнувшись, она тут же схватилась за виски: боль дернула, будто электрическим током. В глазах потемнело, женщина пошатнулась.

– Вам плохо? – Лысков кинулся её поддержать.

– Плохо – не то слово, – вид у декана был болезненным, но она отстранилась волевым жестом. – А на стадионе к тому же «один-один» сдаёт лёгкую атлетику. Нужно идти контролировать и там. Куда без меня?

Лыскову стало жаль женщину. «Она – как любая баба, даром что деканша», – подумал он, всё ещё держа руки рядом с Горобовой и готовый подхватить её в любой момент. – Да не переживайте вы так, Наталья Сергеевна, – предложил он миролюбиво, – среднее ухо так среднее ухо. Чего уж проще? Сделаем!

– Ну вот и давайте, – декан слабо махнула рукой в ответ и побрела к лестнице. Нет, было совершенно ясно, что гроза придёт не скоро, а вот мигрень уже тут как тут: «Здрасьте, живите со мной как хотите». Рабочий день Горобовой ещё далеко не закончился, а энергии и здоровья явно не хватало. «И какой чёрт дернул меня пять лет назад согласиться на работу руководителя? – в который раз подумала она, добравшись до кабинета и укладывая на лоб мокрый носовой платок, – была бы простым преподавателем по теории спортивной тренировки. На худой конец могла бы заведовать кафедрой. Чего мне было нужно? Упёртая карьеристка, и только. Тридцать семь лет, а у меня ни семьи, ни детей, ни друзей. Шарахаются все от меня. Одни заботы, и вот – головная боль». Помочь женщине в её непростой жизни было некому.

Глава 17

– Так, Шумкин, а ты что у нас барьеры – один бежишь? – Рудольф Александрович Бережной недоумевающе посмотрел на спортсмена в шиповках.

– Не знаю, – оглянулся Миша на Серика и Армена. В поисках места для переодевания они пропустили стометровые дистанции. А так как никто толком не знал, чем можно заменить недостающий экзамен по спринту, юноши спокойно ждали принятия решения.

– Эй, аксакалы, идите сюда, – махнул Бережной ребятам. – Барьеры бегать умеете?

Серик первым замотал головой:

– Как не умеете? Канешна умеете. Мой конь Берик их зынаете как перепрыгивает?!

Бережной наморщил лоб, не понимая:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.